

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОЕ НЕБО

**МОСКВА
2004**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.7 (зима 2003/2004 г.).

А.И. Неклесса. Новая земля и новое небо / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.

Выпуски серии выходят ежеквартально. Ранее были изданы:

А.И. Неклесса. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1 (лето 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.

А.И. Неклесса. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2 (осень 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.

А.И. Неклесса. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3 (зима 2002/2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

А.И. Неклесса. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4 (весна 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

А.И. Неклесса. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.5 (лето 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

А.И. Неклесса. Амбициозная корпорация / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.6 (осень 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член Экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор примерно 250 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Более 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

© 2004, А.И. Неклесса

СОЦИОКОСМОС, ИЛИ МИР ПО ОБЕ СТОРОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО *BIG BANG*'А

...ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения реальных возможностей.
Р. Музиль

В основе нынешней глобальной ситуации лежат фундаментальные, цивилизационные причины. Движение истории – смена ключевых параметров жизнеустройства, рамок социальных ситуаций, имеющая внутренний смысл и единое целеполагание: расширение пространства человеческой свободы.

*Центральная революция мировой истории – переход от традиционных политеистических систем к монотеизму, высшим выражением которого стало христианское мировоззрение, породившее в итоге богатство современной цивилизации. Данное мировоззрение прописало себя в историческом тексте несколькими культурными версиями, доминирующей из которых на планете стала протестантская, на основе которой, в сущности, был сформирован современный мир (*Modernity*) и его североатлантический центр.*

*XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей иную версию прочтения цивилизационного текста (*Post Modern World*). Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, создала культурную оболочку глобальных пропорций, вместившую в себя не только Ойкумену, но и планетарный Варваристан. Новый век характеризуется как полнотой географической (коммуникационной) просторности – нашедшей свое выражение в глобализации, так и высвобождением социально активной личности из-под господства авторитарных структур, выражением чего стала индивидуация – предельное состояние земной человеческой свободы.*

В итоге на планете, параллельно ее административно-политической, национально-государственной ипостаси и прежней системе координат Восток-Запад, выстраивается социальная конструкция глобальных пропорций, объединяющая трансграничные организованности – деятельную и динамичную среду Нового мира.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Пытаясь понять стратегию и механику формирующегося постсовременного мира, обсуждая при этом столь многозначные категории как культура и цивилизация, представляется необходимым вначале оговорить специфику социогуманитарного дискурса, во многом, чтобы избежать распространившегося в данной сфере сциентистского и квазисциентистского подходов.

Социогуманитарный дискурс, в отличие от методологии естественных наук – помимо иных значимых различий, – содержит в достаточно явной форме мировоззренческие основания. Не случайно при его выстраивании мы столь часто опираемся/ссылаемся на те или иные авторитеты, поясняем смысл, вкладываемый в тот или иной термин, в ту или иную категорию, – действие в общем-то избыточное, скажем, в математике, где термины определены раз и навсегда. И пока этой «темной воды» не касаться, то особого конфликта не возникает.

Но если мы не просто касаемся этих вод, а прямо-таки ныряем в них, то возникают серьезные разночтения. Поэтому начну с рассуждения о собственном понимании категорий *цивилизации* и *культуры*, присовокупив к ним и такой объемный феномен, как *история*.

Культура и цивилизация, в конечном счете, суть гуманитарная и социальная оболочка мировоззрения. Если мы говорим об истоках культурных и цивилизационных разночтений, то мы, конечно же, говорим о различным образом прочитываемых принципах мироустройства и целях бытия. Действительно, если обратиться к истории, то мы увидим, что даже такое фундаментальное понятие, как, скажем, *время*, прочитывалось в разные эпохи подчас совершенно различным образом.

К примеру, в аккадском языке понятие будущего обозначалось словом, образованным от корня со значением «быть позади», а прошлое – «дни лица/переда». Само же время понималось не как стрела, направленная в будущее, но как аморфная протяженность, как «срок». Подобные фундаментальные расхождения все же недостаточно осознаны, порой именно из-за значительности разрыва с современным менталитетом и структурами повседневности. Характерно, что переводчики, транслируя древние тексты, подчас сами не замечая того, сплошь и рядом вкладывают в перевод современное им понимание содержания, тем самым *сближая культуры*, и в этом также одна из причин неразличения, неотчетливости ряда серьезнейших культурных трещин и разломов.

Однако имеют ли место в социальной динамике поворотные, «шарнирные» ситуации, которые вносят в человеческое сообщество не просто конъюнктурные перемены, но качественные изменения общественного и личного горизонта? На мой взгляд, существуют. Это и есть процесс *цивилизации* (отглагольное существительное) человечества. Из подобных мыследеятельных преодолений и выстраивается такой феномен, как история, они – контур ее генома, подспудно чаемой полноты бытия.

История – *axis mundi* человеческого общежития, результирующее пространство сил и гения человека, его трансценденции на путях преодоления внешней и внутренней природы в поисках различно толкуемого идеала абсолютной свободы. Это мир дальних

устремлений, окутанных повседневностью дольного бытия. Но одновременно история – это синергичный процесс самоорганизации человеческого сообщества во времени и пространстве. Мир людей – социокосмос – является, таким образом, сложным организмом, развивающимся по своим особым законам. Формальными принципами его организации как социальной системы мне представляются: *антропный, диалоговый, голографический* и принцип *сохранения динамической целостности*.

Антропный – ибо общество, нарушающее этот принцип, превращается в «археологический рай», своего рода ахронию, утратив историческое бытие. Кроме того, социосистема антропна и в другом смысле, представляя собой подобие «большого (совокупного) человека» – Кол-Адама, Адама-Кадмона, в своей внутренней архитектонике повторяя единую логику сложноорганизованных объектов, включая биологические.

Диалогична она – ибо ее бытие есть перманентный, хотя, как правило, и асимметричный диалог доминантно-открытой и доминантно-закрытой систем («европейского» и «азиатского» способов бытия, двух «полушарий» глобального социомозга).

Голографична – поскольку структурно отличные образования содержат тем не менее всю совокупность «молекул» и кодов (включая антагонистичные), но, однако же, в существенно различной композиции и пропорциях.

Наконец, мир людей во всех своих трансформациях и проектах стремится к своеобразной икономии – воплощению полноты своего образа при сохранении динамической целостности (снисхождении к практике), которая, собственно, и является его историей.

При всем том познание закономерностей «исторической физики» вряд ли возможно без существенных потерь отделить от рассмотрения сути мировоззренческих коллизий, от «исторической метафизики». Организация и дивергенция социального космоса проявляются как суммарный результат действий совокупного человечества, пытающегося с максимальной полнотой выразить свою сущность, проявить свой потенциал через последовательную реализацию обретаемых степеней свободы. То есть шаг за шагом воплощая – с теми или иными потерями – идеальный образ истории, осуществляя некий телеологичный замысел (промысел).

Из данного предположения, кстати говоря, вытекает ряд важных прикладных следствий. В частности, то, что построение внеинерционных, нелинейных форм прогноза – т.е. его наиболее эффективных моделей, способных охватить своим горизонтом качественные переходы, ведущие к утверждению принципиально нового рисунка социальных связей, – возможно лишь при продвижении от общего к частному, а не наоборот. Иначе говоря, подобный тип дедуктивного прогнозирования (я называю его *структурным моделированием*) возникает не из суммы накопленного человечеством опыта, но в результате познания целостного организма истории, ее общей структуры и целеполагания.

Так что историю я понимаю как земную жизнь человечества, его прописанную судьбу, воплощенную в прохождении череды инициаций – фазовых переходов, в освоении тех самых «шарниров исторического времени». Но это отнюдь не пассивноехождение предложенных обществу ситуаций и не монотонное постижение разнообразия теоретически возможных состояний. История не есть простое прилагательное к

человеку, как некий текст, который люди прочитывают и таким образом восполняют свое несовершенство и неполноту. Действие происходит, скорее, прямо противоположным образом. Человек является субъектом истории – иначе говоря, ее творцом, иногда в прямой, открытой, а иногда в прикровенной, неявной форме. Но не каждый человек и не каждое сообщество. Нам сейчас, правда, достаточно сложно представить – для того, чтобы оценить масштаб пройденного пути, – истинную психологию и статус человека архаичной культуры (тем более вне ореола романтической ауры, столь часто приписываемой ему). При этом мышление человека архаичной культуры отнюдь не просто, не «примитивно». Пожалуй, даже наоборот – оно переусложнено, но эта сложность чем-то сродни «дурной бесконечности» сновидения, и в современном мире ее проще описать как род безумия, нежели входить во все многочисленные изгибы древнего лабиринта. Однако и этот представляющийся порой переусложненным лабиринт в своем чреве скрывает непроявленную субъектность потенциального индивида.

Яркий пример чрезвычайной затрудненности смены ролевых функций в древнем мире, героического характера любой значимой трансформации дает нам индуистская культура: как величайший подвиг описывается в одном из сказаний легендарный случай смены касты, «варны». Так что, воспринимая свободу человека современной культуры – внутреннюю и внешнюю – как естественный порядок вещей, как нечто должное, мы не вполне отдаем себе отчет, что эта свобода есть *завоеванное состояние*, результат многовековых героических усилий и прорывов.

ИСТОРИЯ КАК МАРШРУТ ОБРЕТЕНИЯ СВОБОДЫ

Многообразие культур и цивилизаций (в понимании данного термина как средства фиксации культурно-исторического типа), равно как и богатство звездного неба, есть предметное пространство, феноменологическая просторность для зрелости нашего познания, для испытания истины в ее чрезвычайном разнообразии, сложности и широте. Однако же не все люди и не все общества в равной мере расположены к подобному испытанию мира, к открытости диалога и к познанию иного.

В ходе истории человек последовательно освобождается от пут природы и паутины племенных связей, от приписанных ему еще до рождения ролевых функций и закорючлых стереотипов, становясь личностью и гражданином. «Городской воздух делает свободным» – данный афоризм, пожалуй, даже глубже того смысла, который вкладывался в него на излете Средневековья. На этой основе и утверждается индивидуальность, персонализм, субъектность, крепится обретаемое пространство свободы. Каждый раз освоение нового, отвоєванного человеком исторического «этажа» есть расширение социального и метафизического горизонта.

На данном пути можно выделить некоторое число выдающихся свершений, принципиальных *подвигов* (именно в такой динамичной форме, которая скрыта в данном слове), когда человек преодолевает окружающий мир и трансцендирует его привычное естество. И, конечно, в данном контексте период «осевого времени» не может не привлечь наше внимание.

«Осевое время» я прочитываю как зарю монотеизма и одновременно как первую волну секуляризации мира. Возникавшие в то время идеоконструкты все более тяготели к монотеистической формуле: формируется своеобразный искусственный протомонотеизм, в рамках которого «централизуются» пантеоны богов, утверждаются их иносказательные, эзотерические толкования, развивается культура богословской и философской рефлексии в целом – феномены, проявившиеся в тот период и являвшиеся, на мой взгляд, следствием именно токов монотеизма. Не менее важны также процессы протосекуляризации, изменение оценки и самооценки индивида, трансформация восприятия времени.

Но все же реальный перелом истории, по отношению к которому «осевое время» было всего лишь увертюрой, происходит с экспансией реального, а не «конструктивистского» монотеизма, с историческим переворотом – появлением и утверждением на планете христианской цивилизации.

При этом преодолевается целый пласт бытия, в котором обитатели различных частей планеты не находили «трещины», позволяющей им выбраться из лабиринта и уверенно проявить себя в качестве субъекта сознательного вселенского действия, интенсивного социального творчества. Новая цивилизация дарует эту возможность: человек, открывший для себя ее постулаты, усвоивший новую антропологическую и социальную аксиоматику, преодолевает привычные ограничения и, сбрасывая ветхую кожу, действует в иной геометрии бытия, руководствуясь как открывшимися началами жизни, так и одновременно ее головокружительными горизонтами.

Как это происходит? Принципиальное отличие монотеизма от языческой культуры не только в том, что «есть один Бог», в то время как в языческой культуре – целый пантеон богов, но также и в том, что этот Бог *не имеет генезиса*. То есть я хочу сказать, что в язычестве помимо политеизма есть и другая не менее значимая черта. Там существует своеобразная предыстория – мир протоматерии, хаоса, из которого и возникает, рождается, творится первое поколение богов (которое к тому же со временем может быть сменено совершенно иными богами). В монотеизме же Бог находится вне времени и вне творения, творчество – его сугубый атрибут, Он свободно творит «все из ничего». Вот это «из ничего» и есть принципиальное различие между язычеством и монотеизмом. В сущности, подобная трансценденция скорее отрицает, нежели инкорпорирует прежнюю культурную традицию (со всем ее переусложненным конструктивизмом), определяя последнюю как Античность, т.е. как мир предшествующий, «ветхий», как *антимир*.

Однако же почему история получает столь мощную акселерацию именно после того, как часть человечества усваивает постулаты монотеизма, вырываясь из прежних, замкнутых пространств истории к ее новому пониманию и впечатляющему воплощению? Дело, по-видимому, в том, что «творение из ничего» подразумевает иной статус личности, подобной своему Творцу. Это и есть утверждение в своих онтологических правах персонализма, индивидуальности, проявлений осознанной субъектности действия, поскольку когда дело идет о свободном существе, «творящем из ничего», то здесь присутствует и свобода действия, и свобода выбора, и свобода личности, и даже – забегая вперед скажем – идея экономики как «расширенного воспроизводства».

Но и такая свобода от сна языческих культур может иметь свои уровни трансценденции. Она также может быть прочитана различным образом, обнаруживая иные

горизонты и степени освобождения. Древо монотеизма произвело три могучих побега: иудаизм, христианство и мусульманство. Из трех же персоналистических мировоззрений (я не хочу называть их в данном контексте религиями, в определенном смысле они как раз преодолевают такое понятие, как религия) впечатляющую, всемирную экспансию совершило христианство, которое стало планетарной цивилизацией, как бы она ни называлась: западноевропейская, западная, североатлантическая, глобальная. Все равно, в своей основе это одна из версий христианской культуры. Здесь я прочитываю христианство так, как оно прописало себя в истории.

Но почему именно данная ветвь получила преференцию и столь мощную социальную реализацию, а не другие? Что такого содержалось в христианстве, что дало ему очевидное, колоссальное историческое и цивилизационное преимущество? Думаю, это осмысление и осознание чуда Боговоплощения.

В результате того, что Бог стал человеком, у человека появляется возможность претендовать на совершенно иные горизонты (*«стать по благодати тем, чем Бог является по существу»*). Введение этой предельной степени свободы, которая отсутствует у других ветвей Авраамического древа, предопределило высочайший статус личности, уровень ее претензий и свободы действия, возможностей и угроз, в результате чего сформировалась, в конце концов, современная цивилизация.

Таким образом, речь идет не только о принципиальных различиях культурных кодов и метафизических языков, но также об их *состязательности* в рамках исторического полилога культур и цивилизаций. И далеко не всегда и не все исторические провалы и трансценденции бывают вполне очевидными. Например, в повторяющихся разговорах об угрозе «нового средневековья» сплошь и рядом присутствует весьма субъективное прочтение данного термина, затемняющее тот факт, что средневековое общество являлось не столько кузеном традиционного мира, сколько законным родителем современной цивилизации.

Языческая культура, традиционная культура, не слишком склонна нарушать существующий, *кругообразный, циклический* порядок вещей. Она действительно содержит в себе определенную целостность, иногда достаточно простую, но чаще все же сложную целостность. Чем дольше изучаешь архаические культуры, тем больше поражаешься их многослойной архитектонике. И возникает крамольная мысль, что сложность архаического общества даже более характерная его черта, нежели изощренность менталитета и социальных конструкций современного мира. Тем не менее, в ней есть особая, горькая нота. Ее переусложненность – это, как я уже отмечал, многомерность практически замкнутого на себя лабиринта, а не череда последовательных трансценденций, и не случайно лабиринт – в той или иной форме – есть, в сущности, «родовой признак» архаических культур.

Иначе говоря, в подобных обществах *баланс* доминирует над идеей *развития*. Идея развития там, как правило, отсутствует, находится под запретом. Когда же мы видим ее присутствие в ряде архаичных и традиционных обществ, существующих в контексте современной цивилизации, то во многом это есть всходы «экзогенных семян». И даже углубляясь вглубь веков, вплоть до активно обсуждающегося сегодня «осевого времени», мы наблюдаем ту же специфику – действенный импринтинг иных кодов. Разговор о протомонотеизме «осевого времени» может, к примеру, вестись в контексте

темы «переселений народов» той поры, я имею в виду судьбы иудейской диаспоры VIII и VI веков до нашей эры. Прежде всего, – первое рассеяние 722-го года до н.э., маршрут которого мы не знаем, но и второе – 586-го, и оба, по-видимому, ответственны за ряд косвенных проявлений, прорастаний монотеизма в языческих обществах той поры. Процесс, который, на мой взгляд, и реализовался в феномене «осевого времени».

Средние же века получают столь противоположные оценки, поскольку там протекают два совершенно противоположных процесса. С одной стороны, происходят уплощение, кризис предыдущей формы цивилизации – античной, а с другой стороны, имеет место футуристический прорыв в будущее. Отсюда, к примеру, странные для современного менталитета связи, когда в западноевропейской агиографии и иконографии святые ассоциируются с теми или иными техническими изобретениями.

Ими могли быть на первый взгляд весьма простые инновации – те или иные усовершенствования сельскохозяйственной техники, мельницы и т.п. На самом деле, многие из подобных новаций были изобретениями радикальными. Но порой они являли собой новую просторность, открывшуюся для прежних открытий и изобретений. Те же водяные мельницы, ветряные мельницы вроде бы присутствовали и в античном обществе, однако широкое распространение получают в христианском мире. Так же, как ракета, бумага или бумажные деньги присутствовали в китайской цивилизации, но реальное применение, развитие они получили в цивилизации совершенно иной.

В средневековом обществе возникает и ряд оригинальных новаций: трехпольный севооборот, плуг с асимметричным сошником, борона, конная упряжь (хомут, подковы, упряжка цугом), кривошип – то есть изобретений, взорвавших прежнюю систему земледелия и создавших основу для «зеленой» и демографической революций в начале второго тысячелетия. Что, в свою очередь, вело к кастелянской революции, феодализму, к своеобразной «приватизации власти», преобразяя прежнюю, имперскую форму организации социума. Затем приходит время бюргерской революции – взлета городской культуры, в том числе из-за избыточности населения, возникновения интеллектуальных корпораций и соответствующим образом ориентированного производства. А также крестовых походов как трансценденции земных пространств – процесс, в котором при желании можно увидеть эскиз современной глобализации.

После Столетней войны кристаллизуется и новая форма организации власти – национальное государство. Начиная приблизительно с конца XV века, все эти новации складываются в определенную целостность, обретающую со временем имя «современной цивилизации».

БИТВА ЗА НОВУЮ ЗЕМЛЮ

В чем суть современной (*contemporary*) цивилизационной ситуации? На мой взгляд, ее основа – масштабная социокультурная революция, которую в настоящее время переживает мир. Во вполне проявленной форме она протекает лет, эдак, тридцать.

Где-то на рубеже 60–70-х годов прошлого века доминировавший в кодах современной (*modern*) цивилизации протестантский этос претерпел кризис и глубинную мутацию. В недрах общества сформировалась иная мировоззренческая позиция, другая

система ценностей – пусть и не вполне отчетливая, не до конца прочитанная, но активно утверждающаяся в живой феноменологии бытия и выстраивающая основы новой цивилизационной конструкции. В последние десятилетия века и тысячелетия активно трансформируется политическая и экономическая практика, складывается новый социальный класс, связанный с постиндустриальным производством и враждебный прежнему порядку вещей.

Не случаен даже произошедший в эти годы семантический сдвиг от привычного термина «мировая экономика» к «экономике глобальной». Очевидно, что в мире политики, в мировой политике также произошел ряд серьезнейших подвижек: кризис национального государства, формирование мировых регулирующих органов и поствестфальской системы международных отношений, появление новых влиятельных субъектов мировых связей и т.п. Во многом разговор о столкновении цивилизаций и о необходимости его перевода в конструктивную форму «диалога цивилизаций» есть порождение именно кризиса национального государства и всей системы международной регуляции в целом, а возможно, и всей современной цивилизации.

В ведущейся сейчас полемике о «столкновении» и «диалоге» цивилизаций сам термин «цивилизация», как мне представляется, активно используется во многом из-за дефицита категориального аппарата для описания текущего состояния мира, из-за необходимости как-то определить рамки новой социальной и политической организованности. Иное, новое, оно потому и новое, что для него нет имени. То есть на планете возникает форма политической организации, для которой пока нет адекватных терминов, слов, определений. В этой ситуации мы пользуемся термином «цивилизация», чтобы зафиксировать расширение параметров политической организации и круга ее значимых субъектов, т.е. тех реалий, которые очевидным образом присутствуют в полифоничном концерте мировых связей.

При этом в социальной практике сейчас царят прагматизм и эклектика – состояние социокосмоса, которое в своей основе отражает транзитность ситуации, процесс деконструкции прежней формулы политической организации мира и активно ведущегося поиска нового значимого конструкта.

Заметным образом изменилось за последние годы само прочтение глобализации: Соединенные Штаты, став мировой регулирующей державой (своеобразный парадокс темы «свободы единого»), трансформировали версию глобального маршрута. До недавнего времени лейтмотивом была, пожалуй, тема финансово-правовой унификации мира, при которой акцентировались такие понятия, как «вашингтонский консенсус», «национальная транспарентность», «международные организации», «коалиция сил», «гуманитарная интервенция» и т.п. Сейчас же в центре внимания иной реестр категорий – скажем, «ось зла», «глобальная держава», «страна-империя»...

В подобной ситуации тема «столкновения и диалога цивилизаций» отражает определенную утрату прежней политической субъектности и поиск новой конструктивной формулы мироустройства. Причем, рискну утверждать, не столько в области мировоззренческого консенсуса, сколько в сфере социальной практики (не случайно политическая инициатива об организации данного диалога под эгидой ООН исходила от «исламской республики»), и такой поиск может оказаться конструктивным, результативным.

Основу же нынешнего мирового конфликта я вижу не в том, что цивилизация Модернити, активно, форсированно осваивая мир, вводит тем самым себя в полосу перманентных коллизий. И не в том, что на планете возникает эклектичный концерт аморфных цивилизаций, чреватый их неконтролируемой экспансией, – политическая субъектность «цивилизаций» мне вообще представляется сомнительной. Скорее уж можно говорить о том, что в мире сложилась ситуация культурной растерянности и сквозь эклектичную субстанцию современного состояния глобального сообщества просматривается контур некой *постцивилизации* (полимерной среды нового социального космоса).

Конечно, понятие «постцивилизация» двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг. Для меня цивилизация существует скорее в координатах маркиза Мирабо – как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как выраженное своеобразие и феноменологическая оригинальность. Феноменологическое же своеобразие, специфичность, для меня скорее свойство культуры, качество культурной организованности. А цивилизация – составная часть вполне банальной триады: архаизация – варварство – цивилизация, т.е. цивилизацию я прочитываю диахронно, а не пространственно, как повышающийся градус трансценденции и свободы.

Но именно поэтому для меня понятие «цивилизация после цивилизации» не вполне удобно, «горчит»... Пожалуй, точнее было бы сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую* форму социальной организации – после архаики, варварства и цивилизации. Удивительным образом это понятие корреспондирует четвертому состоянию вещества в физике (твердое, жидкое, газообразное и плазменное), напоминая отдельными своими чертами характеристики именно его плазменного состояния. В дизайне формирующегося постсовременного мира наблюдается дисперсное, эклектичное, но устойчивое соединение цивилизации и архаики, цивилизации и дикости в некотором едином культурном контексте. И, возможно, основной «конфликт цивилизаций» на планете разворачивается как раз между этим призраком грядущей «постцивилизации» и цивилизацией современной, миром Большого Модерна.

В заключение хотелось бы, пусть и бегло, затронуть еще одну важную – и по своему парадоксальную – особенность переживаемой человечеством глобальной трансформации. Дело в том, что параллельно с процессом *глобализации*, о котором много писали и пишут в последние годы, не менее интенсивно, но отчасти в тени протекает более фундаментальный процесс, который определяет в том числе и саму глобализацию, и ее актуальные, а также будущие формы. Это процесс *индивидуации*, который обуславливает появление новой культуры, в том числе политической и экономической.

Индивидуация – формирование энергичной личности с новым масштабом действия, личности, которая действует поверх прежних социальных и политических барьеров. Она их не отрицает, просто не считает для себя императивными, обязательными. Подобная личность действует не только сама по себе и не столько сама по себе, но образует разнообразные новые организованности. То есть складываются кластеры подобных личностей, деятельные группы; вспомним, как лет пятнадцать назад вся специаль-

ная литература запестрела аббревиатурой NGO – НПО (международные неправительственные организации).

В мире возникает целый ряд оригинальных и влиятельных субъектов социального действия – «новых организованностей», как я их называю, которые носят неясный, анонимный или мифологизированный характер. Они не слишком вписываются в прежний формат социального процесса (находящийся сейчас в состоянии декомпозиции) и не прочитываются сколь-либо внятно в его рамках, но при этом активно утверждают собственное бытие, присутствие и контекст взаимоотношений. У новых организованностей иная политическая грамматика и синтактика, ибо привычный режим делегирования полномочий, характерный для представительной демократии, – это отнюдь не их родная среда. То есть, будучи агентами прямого действия, новые организованности оперируют поверх прежних социальных конструкций, избегая формальной включенности в процессы, структурированные по меркам прежней, публичной политики.

На планете в настоящий момент как бы сосуществуют два параллельных социополитических текста, один из которых достаточно подробно исследован и отрефлектирован, но принадлежит прошлому, другой же представляет собой *terra incognita*, существуя в какой-то иной системе координат.

В прежней же системе деятельность новых организованностей проявляется скорее как навязчивая девиация, нарушающая сложившиеся правила игры, как повторяющееся их несоблюдение, а по сути, – разрушение. И как результат – введение в практику нового протокола действия. Сейчас проявляются различные подвиды этого поколения социальных организмов: к примеру, «астероидные группы», которые, не вписываясь в траектории публичной политики, не только воспринимаются как анонимный, иррегулярный внешний фактор, но и подчас сознательно ориентированы на деструкцию «организованностей старых» или на манипулирование ими. Отсюда – императив изменения стратегии политического действия и нового качества политологической рефлексии.

Города – основания прежней цивилизации – превращаются в своего рода терминалы для этой эфирной Лапутании. То есть новые организованности – это, если угодно, протоформы иного государственного устройства. (Понятие государства в определенном смысле является для нас чуть ли не синонимом понятия социальности, и оно действительно шире понятия национального государства, о кризисе которого по преимуществу идет речь, но еще Гегель различал в этой связи «идеал сущего» от «идеала возможного».) «Новая Лапутания» создает свою географию, соединяясь с привычным географическим ландшафтом через систему порталов, терминалов или, говоря современным языком, *hub*'ов. Это уже не просто прежний Север (квазигеографическое, но все-таки связанное с географией понятие), а своего рода глобальный Север – мегаполисы, метрополисы прежней политической системы, в которых, собственно, новая культура и процветает, то есть глобальное пространство элит. А в качестве его оборотной стороны, «изнанки» существует и мировой Юг, переходящий в «мировой андеграунд».

Эти транснациональные пространства оказываются доминантными по отношению к прежним схемам и формам социальной композиции, в том числе таким, как национальное государство, генерируя собственные формулы организованности: те же упомянутые выше астероидные группы, амбициозные корпорации, НПО, соединяющие

осколки элит прежних организмов в молекулы новых деятельных субъектов социального текста. В сущности, этот энергичный и деятельный космос и есть тот самый Новый мир, в который мы вступаем, заявленные же рамки цивилизационного кризиса отражают колоссальный формат происходящих изменений, разворачивающегося социального конфликта. И вся эта турбулентная среда рано или поздно значимо разрешится от бремени родовых мук.

В химеричной архитектонике современной ситуации, кажется, заключена главная причина растущей популярности тем «столкновения» и «диалога» цивилизаций как одного из подходов к осмыслению происходящей реконфигурации мироустройства, к артикуляции путей существования и сосуществования культурного многообразия в динамичном и нелинейном Новом мире.

Во многом от осознания масштаба перемен и правильного прочтения их картографии, от выбора верного маршрута в бурном море глобальной трансформации зависит также будущая судьба России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭКСПЕРТ, #12 (367) ОТ 31 МАРТА 2003

ВЕРСИЯ СИЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Война США против Ирака – попытка создать военно-политический буфер для действующих систем транснационального финансово-правового регулирования, которое закладывалось на предыдущем этапе глобализации, полагает заместитель директора Института экономических стратегий Александр Неклесса

То, что происходит в мире, – это смена прежней системы политического и экономического языка, трансформация всей социальной семантики. А проще говоря, имеет место кризис мирового управления. И мы являемся свидетелями своеобразного «момента истины» – мы можем видеть, как кризисный процесс выходит наружу, нам становятся гораздо более внятными внутренние механизмы глобальной трансформации.

В последние годы проблема активно обсуждалась, но обычно в контексте противостояния национальных государств и некоей возникающей глобальной структуры. При этом толковалась она по-разному: речь шла то о «мировом правительстве», то о транснациональной олигархической структуре, действующей на основе разветвленной системы ТНК, то еще о чем-то. Но сейчас куда более актуальной темой представляется конкуренция различных версий глобализации, различных моделей мирового управления. До определенного момента контур глобальной системы прорисовывался в рамках «мировых регулирующих органов», того, что можно описать как мировую олигархию, как объединение международной бюрократии. И ведущую роль в этом процессе играли такие международные институты, как, к примеру, МВФ или Всемирный банк. Но, конечно, прежде всего это был институт «Большой семерки», клуб доминирующих субъектов мирового управления. С приходом же к власти в США администрации Буша возобладало несколько иное видение проблемы и целеполагание. Или, может быть, правильнее будет сказать, что определенная необходимость в смене модели глобализации привела к власти администрацию Буша.

Ранее был выстроен скорее образ и рабочая модель глобальной регуляции, нежели реально функционирующая политическая структура глобальных пропорций. Администрация же Буша создает сейчас под это формирующееся геэкономическое мироустройство версию его силового обеспечения. Ведь когда мы говорим о политической системе, мы, по сути дела, говорим о формах, методах и механизмах проекции власти. Власть базируется на силе, но эффективно действующих транснациональных институтов и механизмов для подобной глобальной проекции пока не существует. Их роль взя-

ли на себя Соединенные Штаты. Отсюда и возникает тема «глобальной империи», образ «Четвертого Рима» или страны-системы. То есть Соединенные Штаты, строго говоря, уже не являются национальным государством, а представляют собой новый социально-политический феномен.

Но есть и другая проблема. Она заключается в том, что основной исторический конфликт не в конкуренции между моделями глобализации администрации Клинтона или администрации Буша и не между моделями глобализации мира по-американски или по-европейски, но между той глобализацией, которая оперирует привычными социополитическими категориями, и какой-то иной глобализацией, связанной с «новыми организованностями» (астероидные группы, НПО, амбициозные корпорации, теневые консорциумы и т. п.). То есть в мире возникают социальные организмы, которые разрушают систему авторегуляции, генетически связанную с эпохой Модернити.

Сложившаяся ситуация явно требует более глубокого прочтения, нежели то, которое демонстрирует нынешняя администрация США. Однако почему же тогда администрация Буша действует именно так, как она действует? Для этого есть свои веские причины. Дело в том, что имеет место еще и другой кризис – экономический. Экономика эпохи Модернити в значительной мере строилась на постоянной смене предметных полей деятельности, поэтому в орбиту хозяйственной практики вовлекались все новые и новые ресурсы. Когда этот процесс приостанавливается, возникает ресурсный кризис. Предложенное в 90-е годы решение этой проблемы – цифровая новая экономика, она оказалась в сущности паллиативной мерой и свою основную роль не выполнила. С данными негативными процессами в значительной степени связано также предчувствие масштабного кризиса глобальной финансовой системы, прежде всего рынка ценных бумаг, но также и валютного рынка. Иначе говоря, обозначился горизонт «Большого финансового взрыва», могущего привести к формированию совершенно иного мира.

В краткосрочной перспективе серьезно повлиять на создавшуюся в американской экономике ситуацию может лишь заметное снижение цен на энергоносители. Глобальная энергетическая стратегия США предусматривает целый ряд серьезных подвижек в этой сфере, ведущих к устойчивому контролю над рынком энергоносителей.

Другой палочкой-выручалочкой для американской промышленности является создание искусственных предметных полей деятельности (которые создаются не только такими очевидными механизмами, как управление потребительским обществом и модой, но также методами «деструктивной экономики», сформировавшейся в процессе высокотехнологичных войн XX века). Отсюда – повышение оборонных расходов и приведение в действие колоссальной военной машины. Что одновременно помогает решать проблему создания новых властных конфигураций для управления новым миром.

Записал Павел Быков

ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

ЗАСЕДАНИЕ СЕРАФИМОВСКОГО КЛУБА 15 АПРЕЛЯ 2003 Г.
(ИЗ АВТОРИЗОВАННОЙ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ)

...Если заниматься стратегическим проектированием, исходя из условий современности и тем более из прошлого (т.е. играть на поле существующих глобальных проектов), то у нас мало шансов на успех.

Социальная картография имеет три слоя. Первый слой, достаточно хорошо формализован, но имеет мало отношения к актуальной реальности. Второй – это существующие на сегодняшний день черновики актуальной реальности. Они порою неплохо исполняют свою роль подручного инструментария на уровне рефлексии происходящих событий и планирования тактических комбинаций, однако, когда дело касается описания и осмысления целостной композиции устремленного в будущее стратегического действия, то выглядят достаточно разорвано, «клочковато». Тем не менее, это пусть и фрагментарное, но все же описание поля, релевантного практике: здесь, собственно, и ведется текущее проектирование. Но есть еще и третий слой. Это та реальность, которая пока не существует, но имеет серьезные шансы на то, чтобы возникнуть. Адаптация национального проекта к этой третьей реальности, в конечном счете, определяет его стратегическую успешность.

Отсюда четыре ключевых понятия. Первое – семантика проектирования. Феноменология проектирования, если речь о перспективном проекте, не вполне определяется мощностью существующих организмов. Не варвары сокрушили Римскую империю, а «сетевая организация» людей, которые создали альтернативную цивилизацию, ставшую в последствие глобальной. Так что первое положение, – определить перспективную семантику исторической ситуации.

Второе – номенклатура проекта. Здесь в нашей дискуссии также чувствуется определенная смысловая неувязка. Речь шла о цивилизационных, точнее, – мировоззренческих проектах. И речь шла о национальных. И должна была идти, как мне кажется, еще об элитных. Но что такое христианский проект и что такое исламский проект в современном мире? Не вполне понятно. Политическая субъектность аморфных конфессиональных проектов сама по себе достаточно сомнительна. Здесь ощущается присутствие чего-то иного, внятно пока не прочитанного. А вот китайский национальный про-

ект – это уже определенное. В современном мире присутствуют, однако, не только такие субъекты стратегирования, как национальное государство, а и такие как влиятельные международные и транснациональные группы. Группы государств, а с другой стороны, группы, которые составляют осколки ранее более-менее единых национальных корпораций планет-государств, – астероидные группы элит. Все это различные площадки для стратегирования, в том числе и относительно национального проекта.

В-третьих и в четвертых, следовало бы определить понятия субъекта национального стратегирования и маршрутизацию процесса. Стратегирование происходит в динамичной среде; его основные задачи – управление возможностями ситуации, управление имеющимся в наличии совокупным потенциалом и национальными ресурсами. Но оно осуществляется на разных уровнях, в интересах различных слоев, отсюда различное понимание субъектов национального стратегирования, его целей и маршрута реализации.

Россия различными группами элит прочитывается весьма по-разному. Скажем, одними – в довольно-таки автаркичном понимании, другими – в транснациональном и т.п. Это порождает разные образы России, являющиеся отражением разных стратегий развития, реализаций несовпадающих между собой социальных проектов.

Тут возникает необходимость внятно определить ключевое для национальной стратегии понятие *национальной корпорации*. Почему полноценная национальная корпорация так и не сложилась в России? Частично это специфика современности: когда эпоха Модернити закончилась, возникло новое пространство действия, которое не было адекватно прочитано и эффективно использовано.

Интересно было бы также обсудить основы современного стратегического дизайна, определяющие успешность и неуспешность имеющихся в наличии стратегий развития. В частности, успешность части американской элиты в условиях острой конкуренции элитных проектов в рамках самой Америки. А также обсудить тему «нового класса» – этой новой исторической общности, в сущности, транснациональной по своей природе (своего рода третьего игрока на поле глобальных диаспор, наряду с конфессиональными и этническими «глобальными племенами»).

Здесь важно то обстоятельство, что разговор о глобальном стратегическом дизайне в категории национальных элит постепенно перестает быть столь уж актуальным. Мы сегодня имеем властные организации, порой весьма слабо связанные с такими социальными и политическими организмами, как национальные государства. Разговор на языке современных амбициозных корпораций оказывается подчас более соответствующим формирующейся реальности. А разговор ведущийся в рамках привычной социополитической семантики все чаще порождает невнятные сценарии и прогностические химеры: мы видим какие-то не вполне логичные, парадоксальные, противоречивые действия, смысл которых, прочитанной в категориях прежней социосемантики, порой мало объясним. Возникает проблема анонимности социального действия и неожиданности траекторий власти.

Проектный разговор о судьбах живого социального организма должен вестись именно в контексте реально действующих на планете механизмов стратегирования, ре-

ально действующих субъектов стратегического действия, планирующих и осуществляющих определенные социальные и исторические задачи.

Так, в частности, к 60-70-м годам прошлого века заметно изменились алгоритмы развития мировой экономики. Механизм обустройства все новых предметных полей – смысл экономической деятельности в эпоху Модернити, все чаще стал давать сбои. Возникла потребность в новом, глобальном геоэкономическом механизме, способном устойчиво перераспределять ресурсные потоки планеты, а заодно и всю совокупность мирового дохода. Такой механизм и выстраивается в наши дни в виде глобальной геоэкономической матрицы, основанной на финансово-правовом регулировании глобальной экономики, где место инноватики занимает аккумуляция мировой ренты управления, точнее, квазиренды. Параллельно создается иерархичная сословная политическая структура, где место национальных государств постепенно занимает определенная формула сочетания предметных полей деятельности и контролирующих их элит.

Конкуренция между этими пространствами (и их элитами) на сегодняшний день еще не имеет единого сложившегося органа властной регуляции, его роль частично выполняют «штабная экономика» североатлантической Ойкумены и США.

Для России, конечно, важна проблема национального консенсуса относительно целей и методов долгосрочной стратегии. Но какой консенсус может сложиться у люмпен-элиты, которая аккумулировала национальный властный и ресурсный капитал и решает задачу стратегического планирования на уровне одного-двух, максимум трех лет, поскольку ее основная задача – *легитимация своей завоеванной позиции*, а не *национальное стратегическое планирование*.

С другой стороны, расширение сферы влияния транснационального геоэкономического пространства вынуждает приспособляться к складывающейся на планете ситуации, выстраивая порой достаточно оригинальное оперативно-тактическое планирование.

КТО СТРОИТ МИР?

Вот дом, который построил Джек...

В начале нового столетия, наряду с кризисом глобального управления, кризисом, вызванным нарастающими изменениями структуры миропорядка, формированием новой, нестационарной системы мировых связей, имеет место еще и другая фундаментальная коллизия – экономическая, которая в своей основе вызвана серьезной мутацией кодов развития цивилизации.

В числе ее значимых факторов – как это ни парадоксально прозвучит – приостановка, торможение, прерывание органичного для предшествующей эпохи фундаментального инновационного процесса: то есть интенсивного, скачкообразного создания новых предметных полей деятельности, оригинальных областей для приложения капитала, обновления реестра актуальных ресурсов и т.п. Экономика эпохи Модернити в значительной мере строилась на подобного рода смене предметных полей, на их усложнении и развитии, поэтому в орбиту хозяйственной практики вовлекались все новые и новые виды ресурсов, менялись их иерархия и значение.

Когда же данный процесс приостанавливается, возникают, в частности, основания для падения производительности капитала и ресурсного кризиса. Новые, специфические ресурсы не опознаются и не признаются как таковые, оказываются в значительной мере не востребованными и не включаются в текущий хозяйственный оборот, что со временем практически неизбежно ведет к перерасходу прежнего, стандартного набора ресурсов и их дефициту. Предложенная в 90-е годы форма решения этого клубка проблем – цифровая «новая экономика» – после пережитого бума и периода эйфории оказалась, в сущности, паллиативной мерой и свою основную роль в данной стратегической коллизии не выполнила.

С этими непростыми процессами и прямо, и косвенно связано витающее в последние годы предчувствие масштабного кризиса глобальной финансовой системы, прежде всего, рынка ценных бумаг, но также и валютного рынка. (Потери в капитализации предприятиями США превысили за последнее время несколько триллионов долларов, а учетная ставка Федеральной резервной системы в настоящий момент опущена до технического минимума – 1%, который заметно ниже уровня инфляции.) Иначе говоря, обозначился горизонт «большого финансового взрыва», могущего привести к формированию совершенно иной социальной вселенной.

США как глобальный геоэкономический регулятор оказались, таким образом, в достаточно непростой ситуации, которая к тому же осложняется двусмысленным положением, в которое попала «традиционная» экономика в период бума экономики цифровой. Планка оказалась для нее лишком высокой, корпорациям подчас приходилось лукавить, чтобы удержать размеры своей капитализации, и в краткосрочной перспективе повлиять на создавшуюся к настоящему моменту в американской промышленности ситуацию может не слишком широкий спектр мер, одно из важных мест в котором занимает существенное снижение цен на энергоносители.

В среднесрочной же и долгосрочной перспективе *volens nolens* возникает проблема глобального дефицита ресурсов (прежде всего энергоресурсов, но также пресной воды и т.п.), новых форм конфликтов на этой почве, отчаянной борьбы за различные виды ресурсы, «ресурсного шантажа» и «ресурсного апартеида». Глобальная энергетическая стратегия США предусматривает целый ряд серьезных подвижек в данной сфере, ведущих, прежде всего, к устойчивому контролю над рынком энергоносителей, включая прозрачность и управляемость ОПЕК, ее фактический раскол, а также создание альтернативных конфигураций стран-экспортеров нефти.

Так что администрация Буша, выполняя сложные манипуляции по отстраиванию динамичной системы нового миропорядка, выбирает в этот непростой момент конкретные действия, соответствующие решению своих наиболее насущных структурных проблем, удержанию и утверждению своего статуса («статусной капитализации») глобального регулирующего субъекта, взимающего с мира своеобразную «ренту управления», активно реализуемую при решении множества тех или иных геоэкономических коллизий и ситуаций.

Ведь другой «палочкой-выручалочкой» для американской промышленности в условиях грозящего ей кризиса и застоя является создание искусственных предметных полей деятельности, которые создаются не только такими очевидными механизмами как финансово-информационные пузыри, управление потребительским обществом и форсированным, искусственным потреблением (модой). Но также методами деструктивной экономики – производство средств уничтожения, процесс уничтожения и последующее восстановление уничтоженного – сформировавшейся в ходе высокотехнологичных войн XX века. Отсюда – реконфигурация расходной части государственного бюджета США, повышение оборонных расходов, приведение в действие колоссальной военной машины и тектонические подвижки всей полифоничной индустрии послевоенных контрактов.

Сложившаяся сейчас ситуация на американском фондовом рынке достаточно сложная, и ее сложность усугубляется тем обстоятельством, что большинство традиционных регуляторов ситуации (наподобие той же ставки Федеральной резервной системы) уже задействованы по максимуму, а реальное пространство для устойчивого приложения капиталов расширяется слишком медленно.

Внешнеторговый же дефицит США в настоящее время определяется суммой порядка полутриллиона долларов. В прежней системе координат это была по-своему вполне сбалансированная ситуация (баланс текущих операций), компенсируемая притоком капиталов, стимулируемым образом Америки как надежной гавани, чья неуязвимость от бурь мировой экономики обеспечивалась высочайшим уровнем управления.

В том числе – управления самой логикой регулирования системных процессов. Так что Соединенные Штаты с какого-то момента являлись не только единственным политическим полюсом мира, но, соответственно, и геоэкономическим центром притяжения глобального капитала.

К примеру, умелое управление рисками, реализуемое в 90-е годы позволяло периодически сбрасывать назревавший системный кризис и сопутствовавшие ему риски в другие части планеты: Мексику, Восточную Азию, Бразилию, Европу (балканская ситуация), предоставляя, таким образом, США стратегическое преимущество стабильности и минимизации рисков для финансовых средств мира на собственном национальном пространстве, превращенном в своеобразный терминал транснационального Нового Севера. Количество же мировых финансов – что, пожалуй, имеет смысл отметить особо, – стало с некоторого момента избыточным, породив, в частности, феномен «бизонных стад» горячих денег, мечущихся по миру. И противоположного им по духу (но не по потенциальному эффекту в случае действительно кризисной ситуации) «молчаливого большинства», более-менее пассивно лежащего в банках до некоторого часа X.

В настоящее время политические и военные действия (угроза военными действиями, прямая или косвенная) сливаются в некую целостность, позволяющую сплошь и рядом решать серьезные вопросы без прямого и явного применения военной машины. Но – средствами, отличными от прежнего прочитывания кодов внешней политики. Иначе говоря, имеет место генезис новой международно-правовой ситуации, новых механизмов проекции власти, и для их описания, естественно, требуется новый язык – речь идет о трансформации всей политической семантики и самой среды, культуры современного мира.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОЕ НЕБО (1)

До какого-то момента на планете действовала внятная вестфальская система отношений суверенных государств, хотя очевидными были различия их удельного веса в системе международных связей. В современном же мире глобальные конструкции все более тяготеют к выраженной иерархии, трансформируя национальные государства из субъектов в объекты, в значительной мере лишенные собственного целеполагания.

– Александр Иванович, можно ли говорить о трансформации элит со времен распада Советского Союза?

– В Советском Союзе положение элит не отличалось устойчивостью, процесс их модификации протекал еще до разрушения самого СССР. Во многом перестройка была вызвана элитной коллизией и коррозией, когда в социальном пространстве столкнулось несколько «элитных матриц». Одна, доминирующая, строилась на балансе трех клановых организованностей: ЦК, КГБ, армии и на их совместном приоритете над советско-хозяйственной номенклатурой. Формат другой – определялся столкновением интересов ВПК и стремительно развивавшегося сырьевого сектора советской экономики. Но вся эта конкурентная борьба происходила в условиях формирования на планете «нового класса» (в новом, не-джиласовском значении этого понятия): субъектов социального действия, в той или иной форме связанных с постиндустриальным производством и враждебной прежнему порядку вещей.

Кроме того, начиная с семидесятых годов, с различной степенью интенсивности в мире шел процесс конвергенции элит, в ходе которого вырисовывалась совершенно новая конфигурация мирового Севера. Советский правящий слой, в целом, включился в этот процесс, однако же, «проморгал» при этом глобальную революцию, развернувшуюся на планете начиная где-то с конца 60-х-начала 70-х годов XX века.

Распад СССР негативным образом сказался на качественных характеристиках российской элиты. К власти пришел не «новый класс», а когорта «новых русских», связанная преимущественно с представителями динамично развивавшегося «сырьевого клана» и пассионарной криминальной и полукриминальной субкультурой (в СССР пассионарность рассматривалась как девиация, и поэтому асоциальная аура была для нее, в целом, естественным состоянием). Так что, если элитная динамика последних лет су-

уществования СССР была во многом связана с постиндустриальным вектором развития мира, то процессы, происходившие в данной сфере в период постперестройки, носили откровенно инволюционный характер. Постиндустриальная динамика замедлилась и в итоге сформировался социальный организм, который имеет ряд черт, характерных, скорее, для сословного, «неофеодального» общества. К тому же изменился основной предмет хозяйственной деятельности, ее структурообразующее начало, – сырьевой характер российской экономики с каждым годом становился все более выраженным.

– Скажите, а насколько ситуация схожа во всех постсоветских странах? Есть ли различия в смене элит в разных государствах?

– Эти различия, кажется, очевидны. Советский Союз был огромным государством, и страны, появившиеся после его распада, оказались в разных геокультурных ситуациях. Достаточно сравнить, скажем, Туркмению и Литву, чтобы увидеть, что эти государства пребывают в разных социальных пространствах. Следовательно, и процессы трансформации элит происходили там по-разному.

– Насколько в этом плане отличается Украина, в частности от России?

– Конечно же, можно говорить о различиях. Но я не специалист по Украине, поэтому мое суждение будет поверхностным. Ситуация в Украине выглядит не менее сложной (в смысле комплексной), чем в России, в отличие от ряда других постсоветских стран. Скажем, в той же Прибалтике и Средней Азии, процесс был более однородным.

Специфика элитной трансформации в Украине – ее скрытая полиэтничность, различное прочтение ее национальной идентичности на разных территориях одного государства.

– Какое впечатление у вас складывается об украинских элитах? Можно ли говорить об их исключительности по отношению, например, к России. Как в России, так и в Украине можно услышать о связанности, или даже завязанности украинских элит на элитах соседних государств, в частности России. Не кажется ли Вам это мифом?

– Я думаю, что элемент реализма здесь все-таки есть, поскольку все постсоветское пространство (даже при том, что оно *постсоветское*) обладает определенной геокультурной интегральностью. Система разнообразных связей не просто сохранилась, но продолжает поддерживаться. Вторая причина связанности – экономическая. В процессе интенсивной экономической деятельности элиты, конечно же, оказываются связанными своими текущими интересами и общими перспективами. Поэтому я не стал бы отрицать наличие связей между российскими и украинскими элитными кланами.

– В таком случае, можно ли говорить о связи, которая носит подчиненный характер?

– Вы говорите о подчиненности российским элитам?

– Да.

– Я бы сказал, что публичной доминантой в настоящее время является постулирование прямо противоположного принципа, так как Украине, как молодому суверенному государству, свойственно подчеркивать свою независимость, оригинальность национальной культуры.

– Скажите, а насколько влияние глобальных ценностей подавляет креативный потенциал национальных элит?

– В глобальном масштабе протекают два довольно-таки различных процесса. Один связан с глобализацией, как она прописана в СМИ, то есть глобализация информационная, финансово-экономическая, глобализация корпораций. И во многом она связана с развитием феномена глобального массового общества.

Другой процесс, который развивается в современном мире не менее активно, но получил меньшее освещение, – это процесс индивидуации, то есть утверждения достаточно независимой личности, в качестве самостоятельного субъекта социального действия. Личности, которая вкупе с ей подобными, действует в национальном и глобальном масштабе, имея при этом доступ к широкому спектру современного инструментария – финансового, экономического, технологического – предоставленного постиндустриальным укладом.

Эти два процесса различным образом сказываются на креативном потенциале общества. Если первый, пожалуй, снижает творческий потенциал, то второй процесс связан с развитием личностного, персоналистичного начала человека, способствуя креативным проявлениям – подчас достаточно бурным. При этом возникают совершенно новые социальные пространства и траектории действия, которые связаны с такими процессами, как, например, становление «Новой Лапутании», транснационального мира.

– Скажите, возможно ли в стране, где доминируют патрон-клиенталистские отношения, возникновение самостоятельного стратегического мышления?

– Это серьезнейшая проблема, причем не только России, – но в России этот вопрос стоит весьма остро. Тема стратегического планирования напрямую связана с понятием стратегического субъекта. С возникновением в России современной политической конструкции (я думаю, подобная проблема характерна и для Украины), сложилась ситуация, когда стратегический субъект оказался, фактически, выведенным за рамки текущего политического процесса.

Даже с чисто формальной точки зрения, президент, который избирается на четыре года, или имеет ограничение в виде двойного срока, перестает являться субъектом стратегического планирования. Его горизонт планирования ограничивается несколькими годами и, во многом, внутривнутриполитической интригой. Другой кандидат на роль стратегического субъекта – элита, которая, в частности, организована как бизнес-сообщество, – но таковой субъект в России не сложился: интересы бизнес-элиты носят частный характер, она не смогла породить «национальную корпорацию», выражающую

совокупные – *национальные* (в новоевропейском смысле этого понятия) – интересы различных властных группировок.

В России нет также формального корпоративного органа, социально-го/государственного института, не говоря уже о соответствующей инфраструктуре, – корпоративного, в смысле объединяющего общество, его элиту, – который был бы выведен за узкие рамки нынешней политической конструкции. И занимался бы стратегическим анализом/долгосрочным планированием, не взирая на текущую политическую конъюнктуру.

Это планирование связано даже не столько со сферой экономики, которая довлела в 90-ые годы, оно должно содержать в себе вектора социального, политического, культурного действия – то есть это должен быть действительно стратегический комплекс. Энергия же подобного комплекса продуцируется наличием национальной субъектности, которая на сегодняшний день, фактически, отсутствует. Как раз поэтому, дефицит стратегического планирования – одна из серьезнейших, если не самая серьезная проблема современной России.

– *Только ли России?*

– Конечно, нет. К тому же стратегический рисунок в последние годы заметно усложнился, а горизонт прогноза сократился. Не в последнюю очередь это связано с «перформативанием» всего глобального политического поля. До какого-то момента на планете действовала внятная вестфальская система отношений суверенных государств, хотя очевидными были различия их удельного веса в системе международных связей. В современном же нам мире глобальные конструкции все более тяготеют к выраженной иерархии. Складывалась система международных регулирующих органов во главе с институцией Большой восьмерки, а последняя новация – образ страны-империи, которая стремится осуществлять социальное регулирование в масштабе всей планеты и фактически уже не является национальным государством. Иначе говоря, мы видим становление политической конструкции, которая берет на себя функции глобального субъекта стратегического планирования, трансформируя, таким образом, национальные государства из субъектов в объекты, в значительной мере лишенные собственного целеполагания.

– *Если говорить об утрате национальными элитами возможности национального планирования, и это в полной мере относится даже к таким большим государствам как Россия, то что можно сказать о такой стране как Украина? Ей тогда вообще можно отказать в возможности брать на себя ответственность за собственное стратегическое планирование?*

– Я говорил о тенденциях, которые существуют в современном мире – глобализации и индивидуации. И размер государства здесь не является определяющим понятием. Главным является нечто другое, причем довольно-таки не просто определяемое. Приведу пример очень маленькой страны – Армении. Это страна лишена природных богатств, находится в сложнейшей демографической и геополитической ситуации, но, тем не ме-

нее, осуществляет стратегическое целеполагание, осуществляет строительство национальной корпорации, руководствуясь, во многом, новыми правилами игры.

Конечно же, в случае с Арменией можно говорить о выраженной специфике, – это моноэтническая страна и одновременно одно из «глобальных племен». Тем не менее, усилия по объединению национальной территории, национальной диаспоры (причем диаспоры, которая находится в различных странах и на различных континентах) – это попытка найти национальную синергию, новые формулы обустройства «национальной корпорации» и целеполагания государства в современном мире.

Ведь что такое новая политическая конструкция в условиях прохождения человечеством постиндустриального барьера – это новый цивилизационный организм со своей формулой социальной организации и системой организации территорий. В конце концов, понятие национального государства – транзитное понятие. Оно возникло где-то после Столетней войны в Европе и обрело свою политическую идентичность только в 17 веке. Сейчас мы наблюдаем, как складываются новые формы социальной общности, и будущее национальных элит во многом связано с присутствием и деятельностью в этих зыбких пространствах. Здесь возникают «астероидные группы» – образования, складывающиеся из осколков национальных элит и пронизывающие своими траекториями транснациональный космос; «амбициозные корпорации», преследующие не только и не столько экономические цели; НПО, клубы и кланы различной этиологии; теневые консорциумы и т.д., и т.п.

Так что ситуация со стратегическим целеполаганием весьма изменилась. В чем-то – во многом – она стала более сложной, но в чем-то – и более перспективной. В любом случае, ее надо воспринимать не столько как угрозу, сколько как вызов. В новой исторической ситуации те субъекты, которые умело прочтут ее картографию, расшифруют реалии, почувствуют новую субъектность и верно определят собственное целеполагание, окажутся в преимущественном положении *преадаптации*.

В целом, ситуация отчасти напоминает мне тот процесс освоения мира, который происходил в эпоху географических открытий. Просто новые земли социокосмоса, это не географические территории, а некие социальные пространства, новые политические траектории, предметные поля, которые предстоит распознать и освоить. Но именно на этих неотчетливых землях выстраивается социальная конструкция и расселяется элита Нового мира.

Беседовал Юрий Таран

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОЕ НЕБО (2)

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут,
Пока не предстанут небо с землей на Страшный Господень Суд

Редьярд Киплинг

– Вчера меня спросили: кто такой Александр Иванович Неклесса? Я принялась рассказывать то, что написано о Вас в «представительских», публичных, Web-документах. Но, я уверена, что Вы знаете другой ответ на этот вопрос...

– Признаюсь, вопрос для меня достаточно неожиданный. Впервые сталкиваюсь с подобной откровенной его постановкой. Хотя, действительно, сложно формально очертить предметный круг, которым я занимаюсь. На это, пожалуй, есть две причины.

Одна объективная – та всепронизывающая интердисциплинарность социогуманитарного дискурса, которая все явственнее утверждается в общественных науках, когда прежний категориальный аппарат, методы прочтения реальности оказываются не вполне адекватными (а подчас совершенно не адекватными) ее нынешним манифестациям. Иначе говоря, сложившийся ранее и апробированный в прежних исторических ситуациях когнитивный инструментарий социальных наук не отражает (или не вполне отражает) текущее состояние практики.

Вторая причина, скорее, субъективного характера. Действительно, мне довольно часто приходится представлять, скажем так, в экономической ипостаси. Однако я все же определяю свое положение в профессиональной среде в роли политолога. Политология, на мой взгляд, – сейчас наиболее универсальная дисциплина в социогуманитарной сфере, в современном мире она становится синтетической наукой (я бы сказал «социологией», если бы место не было занято), т.е. это системный интерпретатор практики, который занимается значимыми взаимодействиями людей и проектов, все более вбирая в себя такие понятия, как социология, экономика и даже, в какой-то степени, культура.

Иначе говоря, в тех предметных областях, которые до какого-то момента развивались и анализировались достаточно автономно, дисциплинарно, стала ощущаться подспудная, да, впрочем, и проявленная тяга к интеграции, т.е. произошла, если так можно выразиться, своя «когнитивная глобализция». Данный интеллектуальный импульс провоцирует создание новой, целостной (а не системной) картины мира, исполь-

зую достоинства своеобразного синергийного подхода к актуальной реальности человеческих взаимоотношений.

Чтобы охватить происходящие перемены «одним махом», мы приклеиваем новой исторической (и эпистемологической) ситуации ярлык *постиндустриальной культуры* или, скажем, *постмодернизма*, что позволяет прочитывать политические, экономические, идеологические, культурные тексты, так сказать, «с чистого листа», позволяет уловить очертания дальних горизонтов развития.

Кроме того, следует учитывать, что социальные науки в современном обществе сплошь и рядом, сознательно и бессознательно ангажированы, Они амбициозны, практичны и преследуют то или иное мироположение. Изделия, представленные на этом рынке, нередко являют собой искусно деформированный продукт интеллектуальных корпораций, побуждаемых в своей деятельности корпоративным или коммерческим интересом, являясь, в сущности, политизированным нарративом.

Вот, пожалуй, очертания того предметного поля, которое меня интригует и динамичный ландшафт которого я пытаюсь исследовать.

– Кто сейчас определяет «динамичность» этого ландшафта?

– Агенты перемен, которые я объединяю понятием *амбициозные корпорации*. Можно сказать, амбициозные личности, энергичные элитные организации – и это тоже будет правильно.

В мире происходит, на мой взгляд, глобальная революция, некоторый аналог которой я вижу в первых веках существования нашей цивилизации, в смысле – христианской цивилизации, которая, в свое время, тоже была инициирована, организована и выстроена личностями, объединенными амбициозной сетевой организацией. Сейчас на планете происходит нечто аналогичное. Но в чем различия?

Строительство новой христианской цивилизации происходило в свое время параллельно с крушением цивилизации прежней, которая в тот период получила определение «античной». Сами носители прежней культуры ее античной не называли, частица *anti-* отражает взгляд со стороны, смысл этой коннотации – «прежняя», «предшествующая» цивилизация, в некотором смысле, если угодно, – «антицивилизация». А христиане считали и называли себя «новым народом», «новыми людьми» (*moderni*) – они строили новый мир, представляя единый народ, который создавал новую, транснациональную и трансграничную социальную общность – *Universum Christianum*.

То, что происходит на планете сейчас, рождает массу аллюзий и аналогий. Процесс крушения античного мира, разрушения цивилизационных опор сделал менее отчетливым процесс выстраивания новой цивилизации, подчас, фактически, скрывая его. Слишком часто, говоря о Средневековье, воспринимают и определяют его как время не как футуристический порыв, но как повсеместной деградации, варварства и дикости. (Не случайно иное, более провокативное определение, относящееся к тем временам, сплошь и рядом употребляющееся расширительно, – «темные века».) Действительно, признаки цивилизационной катастрофы присутствовали в ткани Средневековья, но доминантой исторического процесса было все же нечто иное – строительство Нового ми-

ра, экспансия и интенсивное освоение (усвоение) основ новой, христианской, цивилизации, радикально отличной от античного миропорядка.

Сейчас имеет место схожая трансформационная ситуация, но она разворачивается в иной системе координат. Во-первых, несмотря на присутствие аналога «переселения народов» нет отчетливого краха прежней цивилизации, ее материальной культуры. Наоборот, цивилизация вроде бы переживает стремительное развитие и производит впечатляющие реалии, которые называются постиндустриальными, высокоиндустриальными, сверхиндустриальными, скажем, системы мгновенной коммуникации, генетические и биотехнологические изделия, новые средства проекции силы, высокоточные военные технологии и т.п., – т.е. цивилизационный организм продолжает существовать и эффективно функционировать. И, тем не менее, знаки кардинальных перемен налицо.

В последней трети прошлого века влиятельные позиции в обществе стала занимать новая плеяда людей, «новый класс», органично связанный с постиндустриальным укладом и враждебный прежнему порядку вещей. Его представители, фактически, заключили стратегический союз с частью «третьего сословия» (прежде всего с финансовым капиталом), занявшись масштабной перестройкой мира. Постиндустриальная элита создает и обустроивает собственную социальную инфраструктуру, которая, во-первых, транснациональна, а во-вторых, основывается на новом типе институтов – гибких организованных, социоконгломератах, которые я определяю как амбициозные корпорации, преследующие не столько экономические, сколько социополитические и культурные цели.

Тут происходит много коллизий и трансформаций. Индустриальная, промышленная экономика шаг за шагом уступает место искусству постиндустриальных системных операций: таких, скажем, как новые мировые деньги, глобальный долг, перераспределение мировых ресурсов и дохода, управление рисками, контролируемая деструкция и т.п. В политической сфере гражданское общество постепенно вытесняется феноменом массового общества, институты представительной демократии и публичной политики замещаются «демократией управляемой», принцип разделения властей размывается, возникают иные весьма влиятельные, хотя и неформальные или «полуформальные» центры власти. В сфере международных отношений вестфальская система их организации и соответствующая геометрия международно-правового поля заменяется иерархией международных регулирующих органов, единой властной вертикалью и другими весомыми новациями.

Новая социальная антропология содержит один странный компонент, знакомый, впрочем, по процессам самоорганизации сетевых организаций (присутствовавший, кстати, и в генезисе христианского мира), – принцип *взаимной симпатии*. Симпатия – глубинное понятие, слово обозначает не только эмоциональное состояние, данный термин в свое время употребляли алхимики (одни из первых представителей «четвертого сословия») – это метафизически обоснованное гармоничное сочетание, совпадение людей по внутреннему целеполаганию, соучастие в едином – как сказали бы сейчас – проекте. Гармоничное созвучие в хорошо темперированном проектном пространстве естественным образом оформляет, «кристаллизует» гибкие и динамичные организации, т.е. деятельные конгломераты, оформленные не столько институциональным образом, сколько технологически и идеологически. Гибкие, потому что это не уч-

реждения в привычном понимании (хотя иногда это могут быть и учреждения). И не корпорации в прежнем понимании (хотя это могут быть и корпорации). Это своего рода пластичный «холдинг людей», сумма их формальных и неформальных контрактов, «симпатичных дерзновений», причем деятельность этого организационного роя – что существенно – эффективна еще и потому, поскольку она оперирует современным индустриальным и постиндустриальным инструментарием – техническими, технологическими, финансовыми, организационными и прочими средствами мультиплицированной и форсированной проекции действия.

Вся эта пестрая компания ведет интенсивную борьбу за новую землю, перестраивая мир (прежде всего в финансово-правовом и информационно-культурном отношениях), причем далеко не всегда ее деятельность носит публичный характер. Если прежние структуры, стремясь утвердиться в социальной реальности, громко заявляли о себе и претендовали на определенную в ней нишу, то новая социальная протоплазма тяготеет, скорее, к анонимности, предпочитая действовать поверх существующих социоконструкций.

С позиций прежней оргструктуры тут возникает интересный эффект, основанной как раз на предрасположенности новых организованностей к неформальным схем деятельности и их тяге к анонимности. Их присутствие подчас просто не улавливается имеющимся в наличие социологическим и политологическим инструментарием, не «прочитываются» им, пока не наступает момент прямой коммуникации или конфронтации. Амбициозные корпорации проявляются преимущественно в действии, а не в социальных текстах и ярлыках. Поэтому ряд процессов современного мира приобретает анонимный характер, что косвенно указывает на дефектность привычной социальной картографии, неполноту ее семантики, в том числе сложившегося в прошлом веке категориального аппарата и теоретических схем политологии.

– Насколько адекватно представлена новая постиндустриальная реальность в России? Как и кем она представлены?

– История России в XX веке производит на меня двоякое впечатление. С одной стороны, прошлое столетие начинался как перманентный модернизационный и, что, пожалуй, даже более важно, инновационный порыв.

Если мы вспомним культуру Серебряного века, разнообразные проявления российского социального, индустриального, инженерного дерзновения того времени... Расширяя же фокус, увидим, что могучие импульсы и энергии социального творчества охватывали в те годы планету в самых разнообразных и далеко не всегда симпатичных проявлениях. При этом интеллектуальным сообществом того времени Россия рассматривалась едва ли не как «центр циклона», как гигантская строительная площадка, деятельность на которой выходила за рамки сугубо модернизационного проекта. Знаете, в начале восьмидесятых в Голливуде был снят фильм «Красные» (“Reds”) о Джоне Риде, о левой культуре начала прошлого века, фильм, передающий атмосферу ожидания крупномасштабной социальной реформации, предвкушения глобальной революции, воплощения, строительства в тех или иных формах Нового мира, идущего на смену

обществу, в котором господствовало «третье сословие». И Россия, повторю, воспринималась как ведущий инноватор воплощения данного трансформационного проекта.

Однако процесс социального творчества в России-СССР был достаточно быстро окорочен. Строительство нового общества приобретало все более грубые, механистичные, я бы даже сказал архаичные формы, воплощая своего рода карикатуру на идеалы Просвещения. В стране целенаправленно – по крайней мере, до определенного момента – создавался идеальный инструмент социального действия, «механизм», «машина», последовательно уничтожавшая любую значимую *субъектность* (вплоть до субъектности «правлящей партии»), гиперболизируя, таким образом, голую и потому бессмысленную *функцию*. Социогуманитарная, личностная, персоналистичная, а, следовательно, творческая компонента, интенция инновационного, интеллектуального поиска была кастрирована, и теперь уже полностью прочитанная история России XX века оставляет грустное впечатление. Страна после краткого периода перестроечной и постперестроечной эйфории перешла в стадию цивилизационного упадка.

Особенно я бы выделил один исторический эпизод, редко упоминаемый в этой связи, – семидесятые годы прошлого века. На рубеже 1960-70 годов в мире произошел социальный взрыв – то, что на поверхности выглядело как «майская революция» в Париже, как контркультурные и антивоенные движения в США и т.п. Все эти события, однако, имели гораздо более основательный фундамент, чем это казалось непросвещенному наблюдателю, связанный с экспликацией новых форм социальной, политической и экономической деятельности, знаменуя утверждение на игровой площадке мира новой влиятельной страты, упомянутого ранее «четвертого сословия». Иначе говоря, тех людей, которые чувствовали себя «в своей тарелки» среди реалий возводимого на планете постиндустриального мира, имея прямое и косвенное отношение к средствам массовой и элитарной информации, к финансам и правовой деятельности, к идеологии и шоу-бизнесу, к политтехнологиям и т.п. Постепенно эти ручьи начали сливаться в полноводное русло, образуя безбрежный виртуальный океан, деятельную протоплазму, в движениях которой ощущалась пульсация какого-то могучего организма.

Этот, выходящий из вод истории организм, нес в себе транснациональную плаценту, обиталище *эфирократии, людей воздуха*. Людей, которые умеют строить воздушные замки и при случае успешно торговать ими. Помните, был такой роман Александра Беляева «Продавец воздуха»? Но это не совсем то. Как не совсем то и прочтение данной страты в координатах модифицированной геополитики, т.е. сближение его с категориями талассократии, телурократии (культур «воды» и «суши»). Читая подобные геополитические тексты, не могу избавиться от ощущения какого-то их органичного дефекта, хотя вроде бы речь идет о занимательных материях, но вот с современной ситуацией они все-таки слабо соотносятся. Одну из попыток вынужденной модернизации предпринял в свое время, если не ошибаюсь, Карл Шмидт, введя понятие аэрократии, как нового пространства деятельности. Но «люди воздуха» все же нечто иное, скорее уж действительно «продавцы воздуха», т.е. торговцы виртуальными ценностями: символическими деньгами и их многочисленными производными, информацией, различными коммуникациями, видеопродукцией и телеэфиром, нематериальной субстанцией знания, образования, пропаганды и разнообразными клонами влиятельного семейства социогуманитарных технологий.

Однако вернемся к вопросу о России. Что же случилось? Семидесятые годы – время, когда в мире развернулся процесс глобальной трансформации, – в СССР ощущались как «застой», т.е. как время, когда ничего не менялось! Если вдуматься, это поразительная историческая коллизия. В мире происходили стремительные, революционные, радикальные изменения, а в Советском Союзе медленно угасала пассионарность предшествующих шестидесятих... Ощущение глобальной революции отсутствовало не только в обществе, но и в правящих кругах, поскольку, как уже говорилось, была стерилизована политическая мысль, подавлена социальная активность, выкорчеван социогуманитарный креатив, – все это было низведено в маргинальные слои, в свою очередь превращенные в поля «охоты на ведьм», и исторический шанс был упущен.

Тем не менее, несмотря на издержки и деформации, становление постиндустриальной культуры и сопутствующего ей «нового класса», как и всякий системный процесс, обладал большой инерционностью. И заодно таким экзотическим свойством, которое Руперт Шелдрейк (в своей области) определял как *морфологический резонанс*. Иначе говоря, если где-то имеет место фундаментальная новация (мутация), то она – причем не всегда понятными путями – проявляется и в других средах, в том числе не связанных между собой непосредственным образом. Так что и в России-СССР процесс становления постиндустриального уклада сопровождался специфическим социальным строительством, становлением, хотя и усеченной, версии «четвертого сословия», искавшего и находившего собственные пути к рычагам власти.

Если мы посмотрим на ситуацию в России во второй половине восьмидесятых годов прошлого века – т.е. обозревая положение вещей, сложившееся в связи с перестройкой, – то, прочитывая социальный текст с очерченных выше позиций, с некоторым удивлением констатируем: на арену российской истории в те годы выходила генерация людей, хотя и эклектичная по составу, по предмету деятельности, но которую, в целом, можно охарактеризовать как российский постиндустриальный класс.

Этот «новый класс» (естественно, не в джиласовском значении данного термина), достаточно быстро нашупал путь к рычагам власти, однако взять власть в свои руки так и не сумел. В реальной истории он сдал ее другой группе элиты, связанной с трофейной экономикой и перераспределением природной ренты, в результате чего Россия-РФ в социальном и геоэкономическом смысле перешла в состояние, которое вначале вроде бы поставило ее на одну площадку с такими странами, как Китай, однако позднее выяснилось, что планка была завышена и более адекватным является сопоставление России со странами калибра Бразилии, да и политической культурой Латинской Америки в целом. Что же касается расхожего аргумента об обладании высокими технологиями и ядерным оружием, то в современном мире им обладают также и Индия, и Пакистан... (Истинная ситуация, сложившаяся в стране, была и остается, правда, прикрытой доходами от экспорта природных богатств – в 2003 году Россия, кажется, вышла на первое место в мире по этому показателю).

А отдельными своими чертами нынешняя российская действительность напоминает даже африканскую. Например, для Африки характерно резкое противопоставление столицы и провинции; столицы, которая своими центральными кварталами порой практически неотличима от европейского города, и глубинки, для которой характерна уже совсем другая реальность, основанная на «народной экономике», натураль-

ном хозяйстве, бартере и т.п. Нечто подобное мы с той или иной степенью соответствия наблюдаем сейчас в провинциальной России, но более отчетливой аналогия, по-видимому, станет после коллапса системы ЖКХ и других инфраструктурных катастроф.

Что я хочу сказать? Россия на излете XX века не только не совершила прорыв в пространства постиндустриальной культуры, зачатки чего отчетливо ощущались во второй половине восьмидесятых годов (время не слишком успешной попытки перейти в постиндустриальный кластер и стать одной из частей глобального высокотехнологического/постиндустриального сообщества), но вместо этого провалилась в своего рода «черную дыру», пополнив ряды социального арьергарда мира.

Подобная «загогулина» имела ряд дополнительных следствий: специфический характер оказавшейся у власти элиты; своеобразный рисунок экономики, которая балансирует между доминантой производства природного сырья и полуфабрикатов и некой параэкономической альтернативой. Иначе говоря, выясняется, что устойчивое производство сырья и полуфабрикатов это далеко не худший вариант, а вот в случае развития системного кризиса в сырьедобывающей индустрии, помноженного на изменение благоприятной для России конъюнктуры на мировых рынках и на инфраструктурный кризис, страна рискует погрузиться в стихию Глубокого Юга. С характерными для нее политической нестабильностью, выраженным авторитаризмом (уже не «платящего дань добродетели») и трофейной экономикой (когда цивилизационный ресурс просто проедается, как в девяностые годы проедался стратегический запас и основные фонды). Сейчас как-то забылось, что приблизительно к 1987 году в СССР было проведено довольно значительное обновление основных фондов, и этот задел во многом позволил пережить вакханалию девяностых, плавно, а не скачкообразно реализуя инволюционную перспективу.

Что же касается постиндустриальной культуры, то она по-своему развивается, но, в основном, в столичных мегаполисах, существуя в транснациональном измерении и одновременно – в российском.

– В таком случае, можем ли мы согласиться с тем, что стратегию за Россию в XXI веке пропишут АК?

– АК, действительно, не являются сугубо экономическими образованиями и обладают вкусом к стратегическому целеполаганию. Хотя слово «корпорация» у нас естественным образом употребляется в том же смысле как «фирма», «предприятие»...

– И даже как «производство»?

– И даже как «производство». Корпорация – понятие юридическое, изначально связанное с наличием «корпоративной привилегии» – определенной социальной функции. Корпорация и сейчас рядом черт своей деятельности проявляет себя не только как хозяйственное, но и как социогуманитарное предприятие. Кстати говоря, «сюжет Ходорковского» показывает эту внутреннюю интенцию корпоративных организованностей. В транснациональном мире не слишком актуально предъявление претензий корпорации,

по поводу того, что она занимается не своим (хозяйственным) делом. Это логика прошлой эпохи: ты – частный «хозяйствующий субъект», так и занимайся экономикой, мы публичные политики – занимаемся политикой. В реальном мире – настоящем, современном, постсовременном – корпорации представляют комплексные организованности, которые занимается «все», правда, в различных пропорциях. И если мы посмотрим на показатели рыночной капитализации существующих корпораций, то увидим, что разрыв в соотношении материальных и нематериальных активов достигает порой порядковых величин, т.е. собственно материальные активы могут составлять лишь 10% их рыночной стоимости. А за счет чего образуются 90%? За счет нематериального, «невидимого» капитала – человеческого, символического, социального, интеллектуального, культурного...

– *Политического.*

– Совершенно верно. Занимаясь повышением своей рыночной капитализации, корпорация не может упускать из виду все эти составляющие. Иначе она перестает быть успешным игроком. Поэтому крупная корпорация обладает определенной нематериальной инфраструктурой. Вспомним стандартный реестр корпоративных основ: миссия, видение, стратегия, перспективы и прочее... Что такое «миссия» корпорации? Что такое ее «видение»? Это не что иное, как комплексная, долгосрочная стратегия, которая в числе других масштабных целей предполагает выстраивание благоприятного для корпоративной деятельности контекста.

Современные корпорации можно с определенной долей условности разделить на два кластера: корпорации, которые занимаются промышленной деятельностью, и корпорации, связанные с постиндустриальным производством. Интересы этих групп подчас диаметрально противоположны. И естественно, что они выстраивают социальную и политическую инфраструктуры, которые пребывают в определенном конфликте. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в США эта дихотомия проявляется в борьбе демократической и республиканской партий, представляющих различные метакорпоративные организованности, действующие как на американской, так и на транснациональной площадках.

Поэтому, отвечая непосредственно на Ваш вопрос: да, конечно же, корпорации (далеко не только российские) имеют определенное видение будущего России и выстраивают определенные стратегии, они обладают для этого соответствующими ресурсами: финансовыми, кадровыми, организационными. Эти стратегии носят подчас конфликтный характер. Хотя возможны и гармоничные их сопряженности, в том числе и с политическим истеблишментом – то, что можно назвать когерентной стратегией России, которая, тем не менее, в 2003 году так и не стала предметом профессиональной деятельности внутри страны. Национальная «стратегия» по прежнему строится во многом формальным (бюрократическим) или рефлекторным (ad hoc) образом, редко встречаются субъекты социального действия, серьезно заинтересованных в выстраивании алгоритма действия на период дольше, чем... да, пожалуй что, два-три года, хотя естественней было бы сказать: четыре, все-таки электоральный цикл... Но и четырехлетний цикл было бы трудно назвать национальной стратегией.

– Мы говорим о конфликтности. Но если взглянуть на ситуацию с другой точки зрения и подумать над вопросом, в чем основа кредита доверия АК в России, к примеру, когда речь идет об умных гуманитарных технологах, о классе «людей воздуха»?

– Пожалуй, я вижу процесс трансляции властного, политического текста несколько иначе. Долгое время, живя в неестественных условиях, в искусственном, иллюзорном мире, российская элита в значительной мере утратила чувство реальности. Реальность, в которой обитает человек, не носит благого характера (я абстрагируюсь от метафизического анализа этой ситуации: почему природа человека испорчена, почему мир плохо устроен, беру лишь данность). Одна небольшая иллюстрация: в политике существует понятие «дьявольской альтернативы», т.е. ситуации, когда человеку у руля власти приходится выбирать между плохим и ужасным. Вот тут и ощущается во всей экзистенциальной полноте вкус реальности. Иначе говоря, кошмар ответственного политика в том, что он – причем не так уж редко – выбирает не между хорошим и плохим, а между плохим и ужасным. Такой вот выбор и производимый к тому же подчас в весьма сжатые сроки.

Жизнь в мире, наполненном критическими и потенциально катастрофическими ситуациями, заметно уплощает политический процесс. Политику сплошь и рядом приходится оперировать прагматичными, мобилизационными категориями. Схема, когда общество создает кредит доверия, делегирует его какой-то партии, которая реализует затем заявленную электоратом волю, – в достаточной мере фиктивна. АК – это субъект новой реальности, и эта реальность, как всякий системный процесс, время которого пришло, разворачивается независимо от чьих-то локальных интересов. Мы наблюдаем сейчас «вершину айсберга», выход на поверхность процесса, генезис которого прослеживается на протяжении столетий.

Общество меняется. Наши представления об обществе меняются. Появляются новые социальные горизонты. Мы привыкли, к примеру, прочитывать карту мира, как административно-политическую, двумерную плоскость, которая разделена на Бельгии, Голландии, США, Россию и т.д. В то же время опыт начала XXI века говорит, что дела в реальности обстоят каким-то другим образом. Например, возникшее недавно понятие «астероидной группы»: образования, в котором слипаются части элитных организаций разных национальных организмов, в свою очередь представляющих расколотые или надколотые планеты. Иначе говоря, системообразующим фактором этих процессов является не национальное государство, а иные магниты, иные гравитационные центры, которые оказываются притягательнее.

Мы получаем новую геометрию власти, иные траектории политики. И вся эта деятельная среда не обрела пока соответствующей формализации – у нас дефицит лексики, не то что категориального аппарата в данной области. Амбициозные корпорации... когнитивный домен... астероидная группа... как-то экзотично все это звучит! Самый нейтральный термин – новая организованность. И еще для современной политологии характерно пристрастие к приставкам «нео», «анти», «пост», фиксирующим присутствие новизны, но мало что говорящим о ее сущности. Поэтому, мне кажется, сейчас актуальна не проблема кредита доверия, который передается игрокам на социальном поле, а, скорее, понимание того, что же из себя представляет это современное

социальное поле, какие игроки и в какие игры на нем играют. Общество, которое отказывается от добросовестного картографирования новой реальности, занимает позицию, которое в психологии называется *эскапизмом* – уподобляясь в этом страусу, заклиная, кодируя признаки серьезного кризиса или катастрофы, определяя их фиксацию как «алармизм». Но существо, избегающее «принятия неприятностей», со временем исчезает из бытия.

Мне кажется, серьезный недуг, поразивший Россию в последнее время, – это ее внутренняя аномизация (термин, изобретенный Эмилем Дюркхеймом в начале прошлого века, обозначающий утрату социальной структурности, цивилизационный упадок или, иначе говоря, – *коллективное самоубийство*). Общество начинает разрушаться, в том числе и демографически, причем – характерная черта – в сегментах активного возраста. Одновременно происходит утрата вкуса к социальному действию, ощущения его значимости, кризис, если не крах институтов представительной демократии и публичной политики.

Все это итоги долгого пути. На протяжении XX века в России происходило последовательное уничтожение пассионарных личностей, причем не только «выпалывание сорняков», но и «подстригание газона», включая самооскопление, самоцензуру, авторедукцию. И образовался мир, плохо совместимый с глобальной революционной ситуацией, а когда исчезла разделяющая Восток и Запад «стена», то в России-РФ наиболее пассионарной частью общества оказалась асоциальная и прямо криминальная среда, субкультура которой разрасталась, как на дрожжах, влияя на другие слои общества. В итоге мы получили коктейль из представителей спецслужб (живших в прежнем обществе все-таки по несколько иным правилам игры, специально готовясь проводить операции вне рамок закона) и в той или иной степени криминализованной элиты. Элита, однако, не может быть криминальной. Если она становится криминальной, то перестает быть элитой. Коррупция – это не взяточничество, коррупция – это внутреннее разрушение личности. Внутренне разрушенная личность не может создавать целостное долгосрочное мироположение, она блюдет частные интересы. Она прочитывает политику как интригу и оказывается в результате уязвимой для внешних игроков с долгосрочным целеполаганием (стратегией).

То самое понятие *людей с длинной волей*, которое традиционно отождествлялось с понятием элиты – прямо противоположно коррупции, *измельчанию*. Если мы имеем циничную люмпен-элиту, распоряжающуюся национальными ресурсами и властью, то естественным образом получаем социальную стагнацию, прикрытую конъюнктурной политикой, и, в конце концов, – коллапс общества, и если это так, то пришла пора серьезно задуматься о «мире без России». Звончек меняющегося положения вещей прозвучал: серьезно поставлен под сомнение статус России как государства, соответствующего стандартам «Большой семерки», а в аналитических документах все чаще встречается тезис о «возможности размещения при тех или иных обстоятельствах иностранных войск на территории РФ».

– Где находится площадка коммуникации участников новых организованностей и людей, мыслящих себя в мире, в котором Россия присутствует? Возможна ли для них единая цель?

– Кажется, человечество приближается к историческому «моменту истины». В конце концов, в чем проявляется геном развития современной, христианской цивилизации? Данное мировоззрение освободило человека от пут традиционной культуры, где отсутствовала личность и торжествовала функция. Человек рождался конюхом, сын его рождался конюхом, и фамилия их была Конюхов. Христианство создало новую структуру мира (конфликт между этими мирами, как мне кажется, наиболее отчетливо отображен Шекспиром в трагедии Гамлета), в котором человек понимает относительность условных механизмов (в «случае Гамлета» – родовой мести), и свою внутреннюю свободу от наложенных на него извне функций и обязательств. Так появляется личность, которая подобна своему Творцу, т.е. свободно (а не под гнетом рока) творит судьбу и собственный мир.

На протяжении всей истории человек находился под пятой земной власти. Это была власть авторитарных структур, власть религий, власть идеологии. В определенном смысле, секулярный мир, секулярное общество – это есть внеконфессиональная форма христианства. Ни в одной другой цивилизации вы не увидите такого феномена, такого парадокса, т.е. секулярный мир, мир атеистический, как мы упрощенно его называем, есть порождение христианства. Христианство ставит человека в ситуацию предельной свободы, когда он, если пожелает, может быть свободен даже от своего Творца. Это та ситуация, в которой находился Адам в раю, когда Бог его «инструментировал», но не «программировал». Адам выбирал. Геном истории выводит человечество к ситуации подобного момента истины, человек вновь оказывается один на один со своим Творцом, но обладая при этом вновь обретенной, деятельной свободой и будучи, в определенном смысле, освобожден в своем выборе от власти диктующих ему свою волю внешних, авторитарных сил (но, конечно же, не от личных пристрастий, соблазнов и искушений).

– *То есть человек есть подобие Бога, а нефункциональная единица, не «цифра»?*

– Да, именно так, «не цифра». Это важно, поскольку с подобными категориями связан разворачивающийся в современном мире процесс «объективизации» человека, повторного лишения его прав субъектности.

Тут ощущается определенная парадоксальность ситуации. Наряду с процессом индивидуации, когда человек, обретая историческое совершеннолетие, все чаще осознает и проявляет себя как свободная личность, в мире протекает параллельный процесс становления массового общества. Процесс этот инволюционен по отношению к феномену гражданского общества. Человек из субъекта действия вновь становится объектом и в этой связи совсем не случайным фактом видится появление в последние годы «темы ИНН».

В чем тут проблема? Не только христианские фундаменталисты, но и вполне светские либералы (скажем во Франции), крайне отрицательно воспринимают развитие этого процесса. Одно дело, когда человек имеет какие-то документы, в которых представлены какие-то циферки: есть документ, потерял его, получил новый, с новыми циферками. И другое дело, когда человек, действуя в социальной геометрии, фактически, утрачивает имя, оно становится его частным делом и с точки зрения социальной инженерии в общем-то иррелевантным для большинства значимых ситуаций. Официальным

же «именем» человека становится пожизненный номер, или как записано в новом российском паспорте – «личный код». То есть то, как человек себя называет: Александром, Николаем, Джоном, Августом, Мигелем, Яковом, – становится «прилагательным». «Существительное» же – «шесть миллиардов семьсот семьдесят два миллиона триста двадцать четыре тысячи...». Это и есть настоящее имя, то, чем реально оперируют социальные механизмы.

Реализация подобной тенденции обезличивания – одновременно апогей и крах идеологии Просвещения. То, что подавляющее большинство людей не видят тут проблемы (так сказать, обезличивающего «властного нарратива»), говорит само за себя. Знаете, в детстве на меня сильное впечатление произвело одно наблюдение: когда я столкнулся с тем, как на Западе пишут адреса на письмах. Сначала – имя человека, его определение как личности, затем идет фамилия – родовое определение (усиливающее, а не снижающее уникальность), а потом уже – улица, на которой человек живет («Гарри Поттеру, Буковая аллея»), потом – район, город и, в конце, страна... Так формируются деятельные личности, а не «винтики механизма», упрощающего сбор налогов или функционирование систем безопасности.

– Почему Вы охарактеризовали эту ситуацию как «апогей и крах идеологии Просвещения»?

– Соединение на одном историческом пяточке форсажа индивидуации и объективации человека – удивительная коллизия. Но в человеческом мире вообще редко протекают однозначные процессы, человеческая личность потому и личность, что очень неоднозначна. Однако люди нередко стремятся упростить себе жизнь, упростить свое положение.

В истории христианской цивилизации, в хрониках ее доминирующей на планете версии – западноевропейской, североатлантической, глобальной – было несколько судьбоносных рубежей, один из которых – первые века второго тысячелетия. Здесь я хотел бы выделить одну тенденцию – процесс фактического замещения линейной логикой Аристотеля гораздо более сложной тринитарной логикой и соответствующих ей кодов мышления. Это большая и самостоятельная тема, но «эффективное упрощение», привитое где-то в XIII веке – в том числе и такими фигурами, как Фома Аквинский, который, борясь с альбигойской ересью, лишил, сам того не желая, христианскую культуру какой-то ее важной, органической составляющей, – ввело в обиход мышление, основанное на упрощенном моделировании реальности. Однако утвердившись в своих, в общем-то, прикладных, инструментальных правах ментальная редукция, «тень реальности», объявила себя светом и стала претендовать на роль нового абсолюта. Усечение тринитарной логики и фактический возврат к мышлению в категориях линейной логики Аристотеля рано или поздно вело к идеологии Просвещения и конструированию утопий. Линейная логика тяготеет к идеальной модели, а ее непреодолимое расхождение с практикой продуцирует токи тоталитаризма, поскольку модель никогда не будет реализована в своем иллюзорном совершенстве.

Революция сознания, породившая христианскую цивилизацию, основывается на чуде Боговоплощения, т.е. на претензии человека обладать божественными энергиями,

и на осознании догмата троичности – внутреннего содержания, *структурности*, *гармоничности* этой энергии. Произошла трансценденция линейно-логического мышления, свойственного Античности и натурфилософского взгляда на мир, когда предельной формой совершенства считался космос, а высшим проявлением истины – непротиворечивость и логичность постулатов (позиция Аристотеля). Логика и благо перестали быть критерием устройства мира (космоса), а он сам перестал являться идеалом для человеческого существа. Это была колоссальная мировоззренческая революция. В начале же второго тысячелетия, во многом благодаря экспансии арабов (переживших под влиянием творческих энергий монотеизма собственный впечатляющий Ренессанс), но также и в результате разграбления Византии (в самом начале XIII века), античное наследие, включая Аристотеля, проникает в Европу, породив по ходу ряд ересей (Сигера Брабантского, Абеяра).

В чем заключалась ересь? Ересь – понятие, обозначающее искажение, *уплощение* реального положения вещей. В конце XIII века Парижский университет дважды собирался, чтобы разобрать данный вопрос. Основная претензия к Аристотелю звучала следующим образом: нельзя непротиворечивость принимать за доказательство истинности, ибо это умоляет свободу Творца. Бог – свободная личность, а Его личность потому и свободна, что не скована даже формальной логикой. И если мы хотим узнать, как устроен Богом данный мир, то мы можем пользоваться инструментом логики, но не апеллировать к ней как к последней инстанции. Апеллировать же мы должны непосредственно к самому миру – как непосредственному творению Бога, иначе говоря, мы должны без предвзятости обратиться к природе, т.е. прибегнуть к эксперименту. Так родилась новая наука, радикально отличная от натурфилософии Античности.

Человек, дерзающий претендовать на обладание божественными энергиями, должен в какой-то степени представлять, что же такое Божественное. Исследуя на основании Откровения, что такое Бог, он, трансцендируя собственное естество и мышление, постигает непростые смыслы. Из всего этого возникало новое, сложное мышление современного человека. Только *современного* не в смысле культуры модерна в его сегодняшнем понимании, а современного в том смысле, как это слово употребляли новые христиане: формировалось новое мышление, рождалась новый народ и обустроивался новый мир. Впрочем, эту тему мы уже затрагивали в начале беседы. Вообще, христианский стиль мышления – основанный на тринитарной логике, халкидонской логике – который утверждался в первом тысячелетии на Вселенских соборах, совершил ряд удивительных открытий. Результаты этого процесса настолько органично впитаны тканью современной цивилизации, что слишком часто нам, без дополнительного комментария, трудно оценить их революционность и новизну (хотя бы в отношении вышеописанного генезиса новоевропейской науки – как развития, точнее аппликации догм вполне определенного, христианского, богословия).

Христианский мир первого тысячелетия создал на Западе и Востоке Европы два революционных ареала, таивших возможность цивилизационно-культурного прочтения нелинейных кодов бытия. В западноевропейской среде это была культура Прованса, культура «миннэ», растворившаяся и деградировавшая затем в манихейской механистичности альбигойского гностицизма. На Востоке – таковыми были искры исихастской культуры Византии, которая активно развивалась с XI, но так и не успела поро-

дить собственную культурно-цивилизационную оболочку. В XV веке Византия прекратила существование. Россия многое унаследовала от Византии, но боюсь, основной дар Второго Рима был утрачен: в реальной истории России эта линия (представленная Нилом Сорским и культурой нестяжательства) была прервана, от чего также проистекло много следствий...

В развитии цивилизации прочерчивается сейчас контур критической ситуации, когда, с одной стороны, личность выходит на некий генеральный (социальный) пик, но здесь же – и путь ее нисхождения, возможность грандиозного провала.

Личность современного человека лишена запрета забрала запретов традиционного общества, она равно открыта добру и злу; если в традиционном обществе доминировали охранительные механизмы, которые сдерживали благие и деструктивные новации, то снятие этих механизмов создает простор как для конструктивных, так и для деструктивных проектов. В подобных условиях и возникает племя гибких, сетевых организованностей, объединяющих освобожденных от запретов традиционного общества пассионарных личностей, действующих по собственным умонастроениям и обладающих доступом к инструментарию, недоступному человеку прежних времен. Прежние институциональные организмы эпохи Нового времени страдали механистичностью, темпы их действия были «как в замедленном кино». Сейчас явно изменилась скорость социального времени, кроме того, оно расщепилось: колоссальное ускорение в одних социальных пространствах соприсутствует с иными, замедленными ритмами. И подчас люди, живущие в непосредственной близости друг от друга, существуют тем не менее в разных временных регистрах.

Заметно также геокультурная диффузия социального пространства. Тот синкретизм культур, который наблюдается в современном мире – когда в одном обществе сосуществуют люди разных фундаментальных культурных ориентаций, христианской, мусульманской, языческой, – они живут в разных слоях социального (и личного) пространства, в его разных культурных измерениях. Мир, сохраняя внешнюю оболочку «глобализации», внутренне раздроблен, полимерен. Одна из основных проблем глобальной безопасности, связана с тем, что многие достижения христианской цивилизации – которые создавались в системе сдержек и противовесов, характерных для данной культуры, – переходят в настоящее время в руки других культур, имеющих иные ценности и ориентиры. И возможно, в рамках некоторых культур понятие *коллективной угрозы* воспринимается совершенно по-иному, точно так же, как и понятие *деструкции*.

Доктрина сдерживания, угроза взаимного уничтожения – все это имело смысл в рамках определенной культуры и в условиях, когда данная культура (пусть и в различных версиях) контролировала остальной мир. И США, и СССР существовали в рамках очень по-разному прочитанных прописей христианской цивилизации, через ряд посреднических механизмов – той же культуры Просвещения, к примеру... Культура же транснациональных амбициозных корпораций задает совершенно иную логику действий, девальвируя, к примеру, национально-географические реалии. Подобное смешение социальных пространств и времен на пороге XXI века, означает рождение новой социальной среды действия, которую я оцениваю, как новый статус общества по отношению к статусу *цивилизации*.

О чем, собственно, идет речь? Я ставлю под сомнение само понятие *цивилизации*, как адекватное ситуации, складывающейся в Новом мире. Маркиз Мирабо в середине XVIII века описал нехитрую триаду: архаика, варварство, цивилизация. Причем цивилизация понималась во многом как «отглагольное существительное», как процесс, как *цивилизованность*, *политес* (еще одно слово, связанное с городской культурой). Сегодня, кстати, мы видим, как городская среда утрачивает свое прежнее положение. Возникает новая просторность существования – та же корпоративная среда – транснациональная по своей природе: чтобы все время не апеллировать к феномену амбициозных корпораций, приведу в пример империю «Coca Cola»: ее архипелагообразная «территория» присутствует в разных государствах, а принадлежность к организации для ее членов порой означает больше, чем гражданство. Разрушение сложившейся системы социальной организации, диффузия социального времени, геокультурное смешение – все это приводит к тому, что мы получаем какое-то новое, *четвертое* состояние общества.

– Где находится этот четвертый мир относительно триады Мирабо? Они расположены на одной линейке?

– Линейка у нас в голове. В новом состоянии общества, по сути дела, соприсутствуют и архаика, и варварство, и цивилизация, но сосуществуют они как взаимная диффузия, как взвесь. Мы наблюдаем химеричные картины: люди на верблюдах со спутниковыми телефонами в одной руке и покрытыми песчаной пылью «Калашниковыми» в другой. Люди в тюрбанах на головах и с ноутбуками возле Эйфелевой башни. Вполне современные образы! И эта культурно-цивилизационная взвесь, пожалуй, не является просто неким транзитным барьером, через который проходит человечество. Это его какой-то новый статус.

То есть я хочу сказать, что подобная неопределенность, с одной стороны, не есть транзитное состояние, это новый статус социальной реальности, но с другой стороны – сама неопределенность есть продукт сконфуженного мышления, начало фундаментальной трансформации сознания. Парадоксы из области квантовой физики (где их наличием можно было и пренебречь) переходят в сферу обыденной жизни, в мир структур повседневности. Мы уже говорили о том, что космос новых организованностей мышлением современного человека (т.е. человеком эпохи Модернити) плохо прочитывается, зачастую просто не воспринимается. Если мы продолжим логическую цепочку, то придем к тому, что современный человек *не видит* нового положения вещей, которое он воспринимает лишь как нарушение стабильности. И у него срабатывает инстинкт самосохранения, тяга к превентивности: он стремится удержать и возродить прошлое.

И, в то же время, существует племя людей, которые иницируют, продуцируют, раздувают новую реальность. У них совершенно иная задача – борьба за темп, борьба за будущее, за новый Клондайк, за освоение открывшихся социальных пространств, за то, чтобы стать пионерами в этом Новом Свете, расположенном по ту сторону геркулесовых столбов Всемирного торгового центра. Ключевое слово для них не превентивность, а *преадаптация*. Это совсем другие, амбициозные организмы, стремительно осваивающие мир контролируемого хаоса. Прежние и новые организованности, обитая на

одной планете Земля, живут в разных пространствах и ведут счет различными единицами времени. Для характеристики сложившейся ситуации я прибегну к приему, который сам же осудил в середине разговора, и назову это состояние *постцивилизацией*. Удивительным образом оно напоминает четвертое состояние физического вещества: плазменное, которое представляет собой турбулентную, динамическую взвесь.

Итак, социокосмос приближается к своему плазменному состоянию, состоянию Большого взрыва. Но удивительная особенность этого взрыва – его гром слышен не всем. Оглядываясь вокруг, видишь: национальные государства продолжают существовать, корпорации производят товары и услуги, на пути перемещения людей по планете возводятся все более крепкие барьеры. Возникают даже квази-имперские структуры, связанные в настоящий момент с США. Так что же, приведенный выше тезис не верен? Нет, он просто прочитывается неверно, в дуалистичной логике оппозиций: если возникает одно, то уничтожается другое.

Но существует и то, и другое. Как сосуществуют на одной планете племена финансовых брокеров, работников НАСА и, скажем, аборигенов Амазонии или людоедов Новой Гвинеи. Вопрос, однако, что актуально? Иначе говоря, человек может жить в национальном государстве, пользоваться институтами публичной политики, и в то же время это бытие все больше напоминает заключительные кадры кинофильма «Солярис» Тарковского: искусственный островок, погруженный в бескрайний океан – в транснациональную плаценту, где действуют совсем другие законы, и обитают иные существа – люди воздуха, энергичное племя эпохи Водолея. А окружающие привычный быт, знакомые по прошлым годам образы – просто уютный, искусственный домик-практикабль, обитатели которого лишены верхнего зрения и не видят ту реальность, в которой прописаны и находятся.

Беседовала Екатерина Теплова

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ А.И. НЕКЛЕССЫ

2000-2003 гг.

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры

1. Стратегия и современность / Университетская корпорация «Школа культурной политики». – М., 2003.
2. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.– М.: Восточная литература, 2002.
3. Неопознанная культура / Научный Совет по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
4. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейа, 2000.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

5. Реконфигурация мира / Россия в центрo-периферическом мироустройстве / Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт проблем глобализации / Составитель и отв. ред. Д.Ю. Глинский. – М.: Московское представительство Фонда Ф. Эберта, 2003. – С. 79-112.
6. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. Структурoобразующие факторы и субъекты цивилизациoнного процесса / Субъект в мире – Мир субъекта / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2003. – С.53-97.
7. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белоплицкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2003. – С.31-51.
8. Введение. Реквием XX веку // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.6-14.
9. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.17-47.
10. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.109-142.
11. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.227-256.
12. ЭКОЛАР: комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.299-322.
13. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.323-349.
14. Российский проект в системе мировых координат // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002. – С.385-416.
15. Управляемый хаос: новый цивилизациoнный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002..
16. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришестья постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002. – С.26-48.
17. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002. – С.9-39.

18. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Н.П. Ващекина, Е.С. Зотовой. Т. I. – М.: Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002. – С.88-102.
19. Творческий континент Россия // Суший. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой / 2 изд., испр. и доп. – М.; Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002. – С.175-204.
20. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001. – С.127-151.
21. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С.37-63.
22. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001. – С.32-66.
23. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. – М.: Юрист, 2001. – С.60-78.
24. Раздел I. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000. – С.11-78.
25. Раздел II. Краткие тезисы к научному форуму «Глобальное сообщество: новая система координат» // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000. – С.79-80.
26. Раздел III. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000. – С.206-259.
27. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000. – С.209-217.
28. Pax Economisana // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юрист, 2000. – С.77-91.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях:

29. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2004 №1. – С.89-96.
30. Социокосмос: актуальная реконфигурация (хаотизация и новый порядок) // Безопасность Евразии. – М., 2004, №1.
31. Новая земля и новое небо: механика глобальной трансформации // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2003.
32. Социокосмос, или мир по обе стороны исторического *Big Bang*'а // Россия XXI. – М., 2003, №5. – С.24-37.
33. Глобальная трансформация и российский узел: социальные конструкции постиндустриальной эры // Конструирование будущего. Журнал исследовательской группы /Административные системы управления будущего. – СПб.: Издательский дом «Corvus», 2003, №1. – С.95-141.
34. Глобальный каталог // Москва. – М., 2003, №7. – С.131-136.
35. Господин воздуха // Полис. Политические исследования. – М., 2003, №3. – С.131-143.
36. Мир, который построил Буш: логика геоэкономической трансформации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №3. – С.40-41.
37. Амбициозная корпорация // СоОбщение. – М., 2003, №5. – С.8-11.
38. Логика глобальной трансформации// Москва. – М., 2003, № 5. – С.11-14.
39. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4. – С.129-140.
40. Версия силового обеспечения // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2003, №12. – С.24.
41. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера // Москва. – М., 2003, №2 – С.107-115.
42. Трансграничье, его ландшафты и обитатели // Архэ. Культуротехнический альманах. – М.; Томск: Дельтаплан, 2003, Вып.4: Гуманитарная Россия, координаты становления. – С. 38-46.

43. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1. – С.24-59.
44. Глобальные вершины, локальные ущелья // Москва. – М., 2003, №1. – С. 14-17.
45. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1 – С.136-155.
46. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), Осень 2002, т.7, №4. Внешняя политика нового века. – С.7-25.
47. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6. – С.44-45.
48. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №4.
49. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9. – С.103-112.
50. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9. – С.143-159.
51. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9. – С.12-14.
52. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4. – С.4-25.
53. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4. – С.126-137.
54. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3. – С.146-152.
55. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1. – С.4-25.
56. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
57. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1. – С.34-38.
58. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1 – С. 121-143.
59. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитгуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – С.7-36.
60. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
61. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10. – С.179-191.
62. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6. – С.69-70.
63. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5. – С.153-157.
64. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4. – С.156-167.
65. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3. – С.34-46.
66. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3. – С.59-72.
67. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3. – С.135-146.
68. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1. – С.99-130.
69. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1. – С.733-738.
70. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1. – С.30-59.
71. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40. – С.6-8.

72. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6. – С.6-27.
73. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4. – С.174-190.
74. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4 – С.46-67.
75. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1. – С.3-13, №2. – С.3-14.
76. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1. – С.13-17.
77. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1. – С.157-204.
78. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2. – С.68-70.
79. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1. – С.175-187.

Доклады и выступления

80. Новый Север и Глубокий Юг. Судьба дихотомии «Восток-Запад» в постсовременном мире. Доклад / Научная конференция «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. Москва, 12-14 апреля 2004 г. / Институт мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук, Институт стран Азии и Африки при Московском государственном Университете им. М.В. Ломоносова – М.: Гуманитарий, 2004. – 50 с.
81. Битва за новую землю (современный цивилизационный кризис: генезис и прогноз) / Круглый стол «Наследие Хосе Марти и современный цивилизационный кризис», 20 марта 2003 г. / Комиссия по изучению культуры народов Пиренейского полуострова и Латинской Америки Научного Совета РАН «История мировой культуры // Латинская Америка – М., 2003.
82. Феномен капитализации: новое прочтение / Материалы Школы по методологии «Капитализация и виды капиталов» Литва, г. Паланга 16-24 августа 2003 г. – М.: Университетская корпорация «Школа культурной политики», 2003. – 12 с.
83. Выступление в дискуссии / Россия в информационном веке. Из стенограммы заседания клуба «Стратегическая матрица» 29 мая 2003 г. // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №4. – С.33-34.
84. Выступление в дискуссии // Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы / Диалог культур и цивилизаций (проект). Заседание третье. Круглый стол 22 мая 2003 г. / Международный общественный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). – М., 2003. – С.42-54.
85. Интеллектуальная корпорация. Вызовы времени / Круглый стол «Интеллектуальная корпорация» // Сообщение. – М., 2003, №5. – С.30-31.
86. Стратегическая матрица и российский узел // Сценарии для президента (контекст 2003/2004) Заседание клуба «Стратегическая матрица» 25 октября 2002 года Александр Хаус. – М.: Институт экономических стратегий, 2003. – С.18-34.
87. Инновация и революция / Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22-24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002. – 28 с.
88. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000-2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002. – С.50-85.
89. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002. – 16 с.
90. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002. – 16 с.
91. Выступление в дискуссии / Россия 2002. Диагноз. Круглый стол // Советник Президента. – М., 2002, №1. – С.1-4.
92. Выступление в дискуссии // Четвертая мировая война: за и против. Заседание клуба «Стратегическая матрица» 14 ноября 2001 года. Деловой центр ТПП. – М.: Институт экономических стратегий, 2002. – С.8-11.

93. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы / Выступление на заседании Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы СФ РФ 12 октября 2001 г. // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9 (Апрель). – С.1-4.
94. The World after September 11th: Development of Strategic Initiative / Report delivered at the meeting of the Council for Foreign Policy under the Committee for International Affairs of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on October 12, 2001 // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002, №9 (April) . – P.1-4.
95. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Специальный выпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20-21 сентября 2001 г.) – М.: Издательский дом «Новый век», Институт микроэкономики, 2001. – С.24-28.
96. Современная мир-экономика: актуальная геоэкономическая конфигурация // Конец эпохи «мира-экономики», глобализация и естественная социальная эволюция. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001. – С.27-31.
97. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001. – С.48-59 (1 а.л.).
98. Конец эпохи Большого Модерна // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000. – С.48-67 (1,5 а.л.).

Тезисы:

99. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – С.23-24.
100. North and South in the Global Context: Roots of a New Civilization // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
101. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – С.178-180.
102. Quasi-North and Deep South: Globalization and Net Culture // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
103. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15-16 мая 2001 г. – М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2001. – С.135-137.

Интервью:

104. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №2. – С.26-31, №3. – С.52-57, №4. – С.26-32.
105. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6. – С.40-45.
106. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34. – С.20-21 (0,3 а.л.).
107. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1. – С.32-41.

